ВАДИМ
ПАНОВ
(БЕС)КОНЕЧНОСТЬ
Литрес

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

К середине XXI века люди построили очень комфортный мир, в котором Метавселенные подменили собой реальность. И подавляющее большинство жителей Земли наслаждается уютным цифровым раем, ютясь в малюсеньких квартирах-капсулах, не выходя за границы гигантских агломераций, занимающих ничтожную часть поверхности планеты. А все богатства мира: финансы, промышленность, транспорт, сельское хозяйство и всё остальное, принадлежат высшему сословию. Для них Сеть не место жизни, а инструмент власти, но что будет, если инструмент поломается? Если уникальная технология, которую хранит Шанти, окажется в руках Кандинского? Что будет с миром? С обоими мирами: реальным и виртуальным.

- Вадим Панов
  - ◯
- notes
  - ◯ 1
  - ◯ 2
  - ◯ 3
  - ◯ 4
  - ◯ 5
  - ◯ 6
  - ◯ 7

Вадим Панов
(бес)конечность
из цикла «(бесчело)вечность»

Говорят, чтобы понять, где находишься – в Сети или реале, достаточно просто снять AV-очки[1]. Если мир поблекнет – ты был в Сети, в бесконечном цифровом пространстве, состоящем из дополненной реальности, «Яркости» и множества других Метавселенных. Ты был там, где уютно, красиво и можно почти всё. Если, конечно, в твоём цифровом кошельке достаточно крипты. Но крипту можно заработать – способов миллион! – поэтому жизнь в Сети комфортна и приятна. И снимать AV-очки не хочется, но если уж снял… То многие скажут, что ты оказался в реале. И в чём-то будут правы, ведь в этом случае соединение прерывается и ты гарантировано выпадаешь из цифрового пространства. Ты знаешь, что больше не в Сети – ведь ты держишь в руке AV-очки. Но понимаешь ли ты, где оказался? Понимаешь ли ты, что есть реальность? Реальность гигантских агломераций, разрезанных на куски жилых секторов, состоящих из безликих муниципальных небоскрёбов. Реальность, скованная стеклом и бетоном. Реальность, основанная на правилах, за соблюдением которых строго присматривают контролёры Департамента социального согласия. Реальность, у которой украли яркость, отдав её Метавселенным. А главную из них, самую похожую на настоящий мир – на тот, каким он должен быть – даже назвали «Яркостью». Словно издеваясь. Словно показывая, где теперь течёт настоящая жизнь – та, в которой тебе нужно быть.

И вот ты держишь в руках AV-очки и думаешь: что более реально? Яркость невероятной «Яркости» или унылая бетонная серость, годная лишь для поддержания жизни? Одноместная капсула, которую Департамент по борьбе с неравенством требует называть «квартирой» – назовёшь иначе, и тобой займётся Департамент социального согласия. Или Департамент психического здоровья – тут уж как повезёт. Узкие улицы меж настолько высоких небоскрёбов, что воздух не всегда добирается до лежащих на земле мостовых. Ты ведь помнишь, что такое «земля»? Нет, не асфальт. И не планета. Не важно… Важно другое: в некоторых секторах Данцига на нижних уровнях приходится носить маски с подачей кислорода. А во многих секторах – и не только Данцига – маски приходится носить

для того, чтобы не чувствовать жуткую вонь – ещё один признак жилых секторов. И не потому что Департамент благоприятной среды не справляется с работой – хотя кое-где действительно не справляется – а потому что людей слишком много и десятки лет отходы их жизнедеятельности впитывались в бетон. И нет такой химии, которая смогла бы выколотить из нижних этажей накопившуюся вонь. Приходится носить маски. Но многие привыкли к вечному запаху места своего обитания и не обращают на него внимания. Наверное, их бы стошнило, глотни они свежий, наполненный ароматом цветущих трав, воздух, но где его взять в жилых секторах? Где взять цветущие травы там, где о смене времён года узнают лишь по тому, что лужи начинают замерзать, а вокруг них скапливается нечто грязно-серое, которое скоро растает… Жилые сектора агломераций… Раньше такие места называли трущобами, теперь – жилыми секторами. Слово «трущоба» под запретом. Слово «гетто» – под запретом. Такова реальность.

Её можно принять?

Её можно понять?

Вот и возникает вопрос: как понять, где оказываешься, сняв AV-очки?

Нужно ли снимать AV-очки?

На самом деле – лучше не надо, и не только потому что в них ты видишь приукрашенный, похожий на идеальный, мир. Не только… В AV-очках намного удобнее целиться и если рука не дрогнет, пуля скорее всего полетит точно в цель. В AV-очках понятно, куда бежать, даже если ты впервые оказался в этом секторе – навигатор выведет. А ещё без них невозможно управлять дронами, но сейчас дронами занимается Марлоу…

И в тот же миг, словно прочитав мысли Шанти, нейросеть подала голос:

– Дроны противника временно нейтрализованы: три сбиты, четыре остановлены ударом РЭБ.

Сообщение прозвучало оптимистично, однако девушка сумела услышать главное, и оно ей не понравилось:

– Временно?

– Они стягивают дроны из других секторов и уже потребовали у Департамента социального согласия объяснения, почему их боевая техника атакует машины корпоративной безопасности.

– Проклятие.

– Пока ещё нет.

– У нас есть время?

– Немного.

В начале погони Шанти обладала некоторым преимуществом:

дроны и оперативная группа «BrainLab» замешкались, благодаря устроенным Марлоу проблемам, что позволило девушке беспрепятственно покинуть напичканный следящими устройствами и охраной корпоративный сектор. В какой-то момент она даже рассмеялась, решив, что всё закончилось, но, к сожалению, поторопилась. Парни из безопасности «BrainLab» оказались умнее, чем они с Марлоу рассчитывали. Сообразив, что их система взломана, а связь с Четвёртым департаментом и Соцсогласием заблокирована, они не растерялись, а подключились к серверам Департамента благоприятной среды и проследили путь Шанти через камеры муниципальных роботов-уборщиков, умных сантехников и прочих безобидных, но глазастых машин. И в тот момент, когда девушка собиралась пересесть в мобиль, чтобы добраться до вокзала скоростных поездов и покинуть агломерацию, в неё врезался самоходный мусорный бак. К счастью, не именно в неё, а в мобиль. Сама Шанти не пострадала, но план отхода оказался нарушен. Сильно нарушен, учитывая, что через минуту на сигнал бака явились боевые дроны «BrainLab» и Марлоу пришлось бросить против них взломанные беспилотники Департамента социального согласия. Не все, конечно – часть машин нейросеть оставила в резерве, не показывая контролёрам Соцсогласия, что управляет ими – Марлоу понимала, что начинается настоящая охота и следует припрятать пару козырей.

– Используем план «Б», – сухо произнесла нейросеть. – Однако тебе, возможно, придётся пострелять. Извини.

Шанти не любила насилия, но когда оказываешься вне закона, выбирать не приходится.

– Это я поняла, – вздохнула девушка, доставая из рюкзака укороченный пистолет-пулемёт.

– Справишься?

– Я бы не хотела справляться.

– Сделаю, что смогу. А пока двигайся на север.

– Хорошо.

Шанти поправила AV-очки и медленно направилась вверх по узкой улице жилого сектора, пытаясь сосредоточиться на происходящем и отогнать мысль:

«А ведь так хорошо всё начиналось…»

примерно три часа назад

– Тебе не надоело обсуждать нереальность окружающей реальности? – поинтересовалась Марлоу.

– Вряд ли мне это когда-нибудь надоест, – медленно ответила Шанти, машинально поправляя AV-очки. В отличие

от подавляющего большинства ливеров[2], девушка носила устройство не более четырёх-пяти часов в день, только по необходимости и потому очки не стали для неё привычными настолько, чтобы их не трогать.

– Почему?

– Наверное, потому… что реальность мне важна.

– Я видела реальность через видеокамеры, – сообщила в ответ нейросеть. – Она довольно серая и не очень комфортная.

– Да, – ровным голосом подтвердила Шанти.

– Тогда чем она важна?

– Тем, что настоящая.

– Весьма поверхностный ответ, – прокомментировала Марлоу.

– Максимально полный. – Девушка негромко рассмеялась. – В «Яркости» я могу съесть чудесный бургер – идеально имитирующий все вкусовые оттенки мяса, соусов, приправ и овощей, но в действительности это будет разогретый полуфабрикат из сои и насекомых. А та бурда, которую потребляют ливеры, споря о достоинствах «кофе из Бразилии по сравнению с кофе из Эфиопии», не имеет ничего общего с кофе. Они никогда в жизни не пробовали настоящий кофе.

– Зато они знают его вкус, – ответила Марлоу. – И вкус вина. И двадцатилетнего виски. И кальвадоса. Да, они едят и пьют не снимая AV-очков, но это позволяет им ощутить вкус настоящей жизни.

– Ты издеваешься? – нахмурилась девушка.

– Ты сама заговорила о еде, – пожала плечами нейросеть.

Пожала плечами в абсолютно человеческом жесте, ведь Шанти могла её видеть.

В «Яркости».

При этом Шанти использовала свою любимую «оболочку[3]», простую и бесплатную – оцифрованное изображение самой себя, без стеснения показывая, как выглядит в реальности. И этот же образ сегодня выбрала Марлоу – предстала двойняшкой подруги, только, разумеется, в другой одежде. А поскольку у Марлоу отсутствовала обязательная метка, окружающие принимали нейросеть за настоящего человека. В конце концов, физическое тело «двойняшки» могло сейчас находиться где угодно, просто она решила пообщаться с сестрой, надела очки и переместилась в цифровую версию другой агломерации.

Девушки сидели за столиком расположенного в большом парке кафе и болтали, разглядывая гуляющих людей, изредка потягивая неплохо сваренный и, кажется, настоящий кофе. Этот район населяли биггеры[4], поэтому кофе здесь можно было пить и без AV-очков. И не морщась.

Несмотря на позднее время, людей вокруг было много – тёплый вечер располагал к прогулкам, и многие вывели в парк домашних питомцев.

– Хорошо, давай не будем о еде, поговорим о чём-нибудь другом… – Шанти кивком указала на парк. – Ты обратила внимание, что все владельцы собак не снимают очки?

– Мы же в «Яркости», – с улыбкой напомнила Марлоу.

– Но ты ведь знаешь, что будет, если их снять? – Девушка демонстративно приподняла AV-очки и с улыбкой оглядела поляну, по которой бродили, бегали и сидели только собаководы. Никаких питомцев, поскольку все они существовали исключительно в Метавселенной. – Или тебе нужно подключиться к местным видеокамерам?

– Я подключена к местным видеокамерам, но и без них знаю, о чём ты говоришь, – негромко ответила нейросеть. И грустно продолжила: – Содержать настоящее животное дорого, но привычку и даже потребность, выработанную за тысячи лет, нельзя отключить по щелчку пальцев. Людям нужны питомцы и в «Яркости» они получают полную иллюзию их наличия: собака выглядит как собака, пахнет как собака, на ощупь как собака, лает, ластится, бегает и даже приносит тебе ненастоящую палку или фрисби. При этом не требует еды, ухода, места – даже под кроватью, и исчезает, стоит снять AV-очки или включить опцию «невидимка». Сплошные плюсы.

– Кроме того, что она ненастоящая.

– Но ведь всё остальное в наличии.

– Хочешь сказать, что это хорошая замена?

– У меня никогда не было собаки, – с улыбкой произнесла нейросеть. – Я не знаю, каково это: владеть собакой, хотеть собаку, быть привязанным к собаке. Я не знаю, что получают люди, у которых есть собака. Но я знаю, что огромное количество домашних питомцев поглощает гигантское количество ресурсов. Теперь же любой ливер имеет возможность получить домашнее животное.

– В «Яркости».

– Они в ней живут.

– Разве это правильно?

– А разве это имеет значение, если они получают то, что им нужно, там, где они существуют?

Некоторое время Шанти молчала, затем сделала глоток кофе и тихо сказала:

– А если ты узнаешь, что значит быть привязанной к кому-то?

Марлоу хотела ответить, но девушка остановила её коротким жестом:

– Не потому что я отдам приказ, а сама? Потому что я напишу для тебя такой код, что ты сможешь… чувствовать. – Девушка улыбнулась. – И он станет твоим первым шагом в реальность.

– Если у тебя получится, – обронила нейросеть.

– Ты хочешь, чтобы получилось?

– Да, – после довольно долгой паузы, ответила Марлоу.

– В таком случае, давай это сделаем – давай тебя изменим.

Нейросеть улыбнулась, а затем спросила:

– А тебе нравится, как изменилась ты?

Шанти вздрогнула, помолчала, но ответила честно:

– Нет.

– Спасибо за прямоту.

– Почему ты спросила?

– Потому что я приложила руку к изменению тебя, Шанти, – ответила Марлоу. – И будет честно, если ты изменишь меня.

Девушка никогда не понимала причудливую логику нейросетей высшего уровня и не была уверена в том, что она у них есть – несмотря на уверения разработчиков. Поэтому ответила кивком, поднялась из-за столика и коротко сказала:

– Время.

Время начинать тщательно разработанное проникновение в корпорацию «BrainLab». В таинственную «BrainLab»…

Впрочем, все корпорации старались быть или казаться таинственными, все тщательно оберегали свои секреты от конкурентов, в первую очередь – от них, но подавляющее большинство делало ставку на мощную IT-защиту, пройти через которую не смогли бы даже контролёры Четвёртого департамента. Более осторожные перекладывали вопросы сохранности данных на защищённую внутреннюю сеть, не имеющую выхода вовне. И лишь единицы параноиков обходились вообще без сети, заставляя суперкомпьютеры работать в автономном режиме и перемещая данные с помощью давным-давно устаревших физических носителей. Никаких «облаков», никакого обмена по Сети, если нужно вывести информацию – втыкаешь в суперкомпьютер накопитель, размером с зубочистку или чемодан, и скачиваешь на него то, что разрешено скачать. Именно такими параноиками были владельцы «BrainLab», и именно до их секретов Шанти планировала добраться.

И не сомневалась, что доберётся.

Причём – незаметно доберётся, надеясь сохранить визит в святая святых «BrainLab» в тайне от всех.

– Как я выгляжу?

– Идеально.

– Ты всегда так говоришь.

– И пока ни разу не солгала, – рассмеялась в ответ Марлоу.

Шанти улыбнулась.

Она не отличалась высоким ростом, но и маленькой девушку назвать было нельзя – чуть выше среднего. Кожа смуглая, но ровно настолько, чтобы казаться слегка загорелой. Большие чёрные глаза, аккуратный носик, чётко вырезанные губы, маленький подбородок, прямые чёрные волосы подстриженные коротким, едва доходящим до плеч каре. Фигура подтянутая, но при этом – женственная. Идеальное сочетание, которое удавалось поддерживать благодаря регулярным тренировкам. Сейчас Шанти была одета в деловой костюм, но он не скрывал, а подчёркивал и тонкую талию, и грудь пятого размера, привлекающую внимание всех, кого интересовали красивые женщины.

«Легенду» усложнять не стали: внутрь комплекса Шанти прошла под видом сотрудника ночной смены – проникнуть во внутреннюю сеть «BrainLab» и внести необходимые изменения для нейросети высшего уровня, да к тому же имеющей в своём распоряжении федеральный ключ, не составило никакого труда. Электронная система просканировала девушку, не обнаружила ничего подозрительного или запрещённого, и разрешила пройти в здание. Из двух болтающихся в холле охранников один вообще не обратил на Шанти внимания, второй же без стеснения пялился на неё всё то время, что девушка шла к лифту, но этим и ограничился.

На этом этапе проникновения сложностей не планировалось. Их и не возникло.

Главный небоскрёб «BrainLab» поднимался на двести с лишним этажей – они девушку не волновали, и уходил под землю на двадцать уровней. В основном – технических. Шанти интересовал минус шестнадцатый, однако в него можно было попасть только на двух лифтах, а ночью вообще на одном, и в кабине обязательно присутствовал вооружённый охранник. Чтобы оказаться в лифте, требовалось пройти повторную электронную идентификацию, затем предъявить пропуск, который охранник проверял ручным, не имеющим выхода в Сеть сканером, а затем использовать – под надзором всё того же охранника – собственный ключ управления лифтом. Пройти здесь было невозможно даже с помощью почти всемогущей нейросети, поэтому Шанти спустилась на минус семнадцатый и заняла рабочее место, которое, по разработанной Марлоу «легенде» было закреплено за ней.

– Я готова.

– Приступай. На этаже пусто, тебе никто не помешает. – Марлоу полностью контролировала внутреннюю сеть «BrainLab» и генерировала охранникам безобидную картинку работающей в ночную смену сотрудницы. – Удачи.

– Спасибо.

Ящик со всем необходимым был доставлен курьерской службой по вымышленному запросу, как «техническое оборудование для предстоящего ремонта», и дожидался Шанти в подсобке. А поскольку его содержимое полностью соответствовало обоснованию запроса: «проверка и ремонт внутренних коммуникаций», оно не вызвало подозрений. Оставалось «самое простое» – использовать оборудование и получить нужный результат. Шанти переоделась в комбинезон и удобные кроссовки, нацепила рабочий пояс и направилась к вентиляционным шахтам – единственному способу проникнуть на минус шестнадцатый, минуя охрану.

В этом месте связь с Марлоу по понятным причинам прерывалась, но девушка чётко знала, что нужно делать. Сняла решётку, поднялась на минус шестнадцатый с помощью вакуумных присосок, закрепилась, оглядела помещение с помощью видеокамеры, убедилась, что сотрудники отсутствуют, осторожно сняла решётку и спустилась. Считалось, что это помещение защищено сверхнадёжно, поэтому автономные датчики здесь реагировали только на связь, поднимали тревогу, обнаружив любой входящий или исходящий сигнал. Но поскольку помещение было полностью изолировано от любых волн, датчики не срабатывали ни разу. И сейчас промолчали. Во всём остальном владельцы «BrainLab» полагались на компьютерную систему безопасности, а в ней сейчас хозяйничала Марлоу.

При включении, терминал посылал сообщение на пульт охраны минус шестнадцатого дедовским способом – по проводу. Шанти отключила его, запустила терминал, вошла в систему под украденным паролем и быстро добралась до нужной информации. Перенос её на носитель занял пятнадцать минут, после чего девушка выключила терминал, не забыв удалить информацию о том, что его запускали в нерабочее время, воткнула на место провод и возвратилась на минус семнадцатый тем же способом, которым вошла.

– Справилась? – поинтересовалась Марлоу, после того, как девушка вернула на место вентиляционную решётку.

– Это было легко. – Шанти ничуть не кокетничала.

– Это ещё не закончилось, – заметила нейросеть.

– Я понимаю.

Девушка переоделась, посмотрела на часы – установленное время «ночной смены» как раз заканчивалось, и направилась к лифту, который должен был вернуть её в холл, где ждала очередная проверка. Сканеры системы безопасности внимательно отслеживали носители информации, которые вносили и выносили из здания, но Марлоу заставила их «не заметить», что в сумочке Шанти лежит довольно большой блок. Система не обратила на него внимания ни в первый раз, ни сейчас, и девушка уже предвкушала победу, когда неожиданно услышала:

– Мисс! – Повернулась и увидела охранника, который пялился на неё, когда девушка входила. Сейчас здоровенный негр поднёс руку к козырьку форменной фуражки, но при этом так улыбался, что стало понятно – надеется на приятное знакомство.

– Миссис, – уточнила Шанти. – Миссис Смит.

– Так даже лучше. Мне не нужны другие обязательства – только приятно провести время. Меня зовут Вашингтон.

Он явно считал себя неотразимым и, возможно, в каких-то случаях такой подход срабатывал.

– Вашингтон – как старинный президент? – поинтересовалась девушка, лихорадочно продумывая выход из положения.

– Какой президент? – не понял охранник. – Как город. Как столица мира.

– А, понятно. И чем я могу тебе помочь, Вашингтон, как город?

– Я уже сказал.

– Запиши мой телефон.

– У меня есть идея получше. – Негр кивнул на дверь «Только для персонала».

«Он что, настолько голодный?» Удивилась нейросеть.

– Я тороплюсь к мужу.

На физиономии Вашингтона, как города, отразилось разочарование. Судя по всему, озабоченный идиот действительно ожидал, что сможет увлечь девушку в подсобку для «приятного проведения времени». Разочарование вызвало злость, а злость – желание хоть как-то нагадить неответившей на заигрывания девушке. Время позднее, в здании никого нет, а прав у корпоративной безопасности много, могут даже раздеть догола – «по подозрению в незаконных действиях», такие случаи бывали. Да и должность Марлоу «нарисовала» Шанти незначительную, на жалобу такой работницы никто не обратит внимания.

– Что-то я тебя раньше не видел.

– Я новенькая, – ровным голосом объяснила девушка. – Поэтому досталась ночная смена.

– Короткая у тебя смена.

– Стандартная личная проверка работы аппаратуры. Неужели я первая, кому это поручили?

– Нет, не первая. – Вашингтон помялся, в последний раз решая, что делать: начать издевательства или всё-таки попробовать завязать «нормальное» знакомство с понравившейся девушкой. После чего приказал сухим, официальным тоном: – Раскройте, пожалуйста, сумочку, миссис Смит.

– Конечно.

«Нельзя быть такой красивой…» прошелестел в голове голос Марлоу.

Однако отпущенная шутка не помешала нейросети начать работу.

И в тот самый миг, когда Шанти начала снимать с плеча сумочку, в холле погас свет и завыла сирена сигнализации.

– Внимание! В здании пожар! Это не учебная тревога! Немедленно направляйтесь к аварийным выходам!

Воспользовавшись естественным замешательством охранников, Шанти натянула AV-очки и бросилась к выходу.

– Я подведу мобиль прямо к дверям, – деловито сообщила нейросеть.

Беспилотные электромобили хороши тем, что могли полностью управляться извне.

Шанти не ответила – зачем тратить время? Тем более, за спиной послышались крики:

– Где она?

– Не вижу!

– Стой!

Тьма не была полной – включилось аварийное освещение, которое Марлоу не могла вырубить, и в его тусклом свете охранники разглядели бегущую к выходу девушку.

– Стоять!

Три метра до двери.

Напарник похотливого негра выхватил пистолет, но рванувший за беглянкой Вашингтон перекрыл ему обзор.

Два метра.

– В сторону!

Сирена надрывается изо всех сил, но Вашингтон слышит напарника, понимает, что тот хочет сделать и резко берёт влево.

Метр. Шаг. Финишная ленточка. Выстрел.

Выстрел, запоздавший на секунду.

Шанти выскакивает из здания, за её спиной захлопываются двери и пуля бьёт непробиваемое стекло.

– В мобиль!

– Я помню!

Машину они позаимствовали в гараже Департамента социального согласия – неказистая с виду, она была снабжена отличным двигателем и рванула с места не хуже спортивного кара. Впрочем, Шанти была готова к такому обороту и оказавшись внутри принялась спешно стягивать деловой костюм, переодеваясь в стандартную одежду обитателя жилого сектора: широкие джинсы, кеды, футболка и мешковатая куртка. Что же касается дальнейшего расписания, то его девушка знала едва ли ни посекундно. Вот мобиль резко сворачивает в переулок, все видеокамеры которого Марлоу заранее вывела из строя, сбрасывает скорость и по пандусу въезжает в кузов движущегося грузовика. К этому моменту Шанти уже переоделась, сменила элегантную сумочку на рюкзак и перебралась в кабину – даже в беспилотном транспорте в обязательном порядке предусматривалось место для человека. Затем, когда грузовик сбросил скорость, выезжая на вылетную магистраль, девушка выпрыгнула из него и неспешно направилась в обратную сторону, где её поджидал следующий мобиль.

Именно в это мгновение появились ударные дроны, а мусоровоз разбил приготовленную для отступления машину.

Камеры в переулке не работали, зато работал робот-уборщик, который и засёк, как отъехавший от комплекса «BrainLab» мобиль спрятался в грузовике.

– Двигайся на север.

– Как долго?

– Я скажу.

– Это вдохновляет.

– Могу не говорить.

– Не зли меня, – шутливо огрызнулась Шанти. – Я только что выбросила дизайнерскую сумочку.

– Она была поддельной, – хладнокровно напомнила нейросеть.

– Но всё равно была сделана из настоящей кожи и стоила кучу денег.

– Я говорила взять на операцию что-нибудь попроще.

– Сумочка придавала мне уверенности.

– Каким образом?

– Заканчивала образ.

Марлоу помолчала, после чего хмыкнула:

– Уверена, я многому у тебя научусь.

– Если я выберусь из заварухи живой.

– Выберешься. – На этот раз нейросеть ответила жёстко. – Теперь стой.

– Просто стоять?

– Пока – да. Но можешь посмотреть.

– Мне понравится то, что я увижу?

– Нет. Поэтому рекомендую посмотреть, как кино.

– Но посмотреть нужно?

– На твоё усмотрение.

Девушка передёрнула затвор автомата и вздохнула:

– Показывай своё кино.

Да, именно кино – Марлоу вывела на AV-очки Шанти изображения с видеокамер, и девушка увидела улицу, с которой только что свернула, увидела сразу с нескольких ракурсов. Марлоу была не только отличным постановщиком, но и прекрасным режиссёром, не забывала переключать камеры, приближать изображения, а будь это уместно – обязательно наложила бы музыку. Но сочла, что в этом нет необходимости – «кино» и так получилось достаточно драматичным.

Кино про два больших, очень мощных, а значит – очень быстрых внедорожника, в каждом из которых сидело по пять вооружённых оперативников «BrainLab» – действующих в полном соответствии с Законом о военизированных организациях корпоративной безопасности. Внедорожники сопровождали дроны, однако Шанти их не заметила, даже не обратила внимание на вспышки взрывов, в которых они исчезли, поскольку полностью была поглощена тем, как посланная с большого беспилотника ракета влетает в первый внедорожник. Разрывается под ним, подбрасывая тяжёлую машину в воздух, после чего та падает на бок и ещё несколько метров скользит по асфальту, высекая снопы искр. Второй внедорожник виляет, уходя от столкновения с головной машиной, тормозит, но ещё до того, как он остановился, двери распахиваются и оперативники выскакивают наружу. Судя по всему, парнями они были опытными и понимали, что вторая ракета уже летит. И не ошиблись – прилетела сразу, как только внедорожник встал, влетела в дверь, взорвалась и превратила бронированную машину в разорванную изнутри игрушку. Однако выскочившие из внедорожника оперативники далеко не ушли – два подлетевших дрона в упор расстреляли их из пулемётов. И их, и тех, кому удалось выбраться из первой машины.

Шанти судорожно передохнула, после чего поставила автомат на предохранитель – сейчас он ей точно не понадобится.

– Мы выиграли семь минут, – спокойно сообщила Марлоу. – Перейди перекрёсток и спускайся на второй уровень подземного паркинга. Я скажу, какой мобиль взять.

* * *

Агломерации огромны. Миллионы, если не миллиарды, тонн бетона, стали, стекла и пластика, устремлённые и вниз, на глубину – для придания прочности, и ввысь, к небу. Но несмотря на все усилия, агломерации занимали изрядные пространства, на которых толклись миллионы людей. И трудно, почти невозможно представить, как эти миллионы способны уместиться даже в столь гигантских поселениях.

Когда-то подобные города считались фантастическими, теперь стали обыденностью. И появились они не вдруг, а формировались постепенно. Где-то – естественным путём, при котором мегаполисы XX века постепенно захватывали примыкающие территории и поселения; где-то – подчиняясь разработанному плану, по которому очередная агломерация должна возникнуть именно здесь и нигде более. Как правило, под «именно здесь» отводились бесплодные во всех смыслах земли, не имеющие ни промышленного, ни сельскохозяйственного значения. Агломерации росли постепенно и люди привыкали к ним постепенно. Привыкали к их законам, писанным и неписанным. Привыкали видеть вокруг только бетон и стекло. И толпы других людей. Привыкали искать уединения от этих толп, запираясь в квартирах-капсулах, рассчитанных, как правило, на одного жителя. На одного ливера. Привыкали искать простор в Сети.

Человек может привыкнуть к чему угодно.

Гигантские поселения представляли собой сложнейшие структуры, которые не могли управляться в «ручном режиме». Все они были «умными городами», в каждом располагался собственный D-центр, обеспечивающий его жизнь, но все автономные D-центры имели прямую и постоянную связь с шестью разбросанными по планете D-Сити, из которых осуществлялся непрерывный контроль за состоянием дел. И если агломерации преимущественно строились в тёплых, но не жарких районах, то D-Сити располагались в полярных и приполярных зонах, и представляли собой колоссальные поля сложнейшей аппаратуры.

Здесь же находились штаб-квартиры всех ключевых структур управления областями. В том числе те, о существовании которых широкая публика и не подозревала. Или не считала значимыми – ориентируясь исключительно на название. К примеру, что страшного может таиться за скромной вывеской «Агентство Независимых Аудиторов»? Тем более, что работающие в здании люди ничем не отличались от заурядных офисных клерков.

Но это обстоятельство замечали немногие, а кто замечал, старались о нём не говорить, сотрудники АНА держались особняком и редко посещали общедоступные центры развлечений. Общедоступные для обитателей D-Сити, то есть, сравнимые с теми, что располагались в тех секторах агломераций, которые населяли биггеры. Тем не менее, люди из АНА не часто появлялись на публике и уж тем более не заводили знакомств с местными биггерами, что объяснялось строжайшей системой отбора служащих Агентства: квалификация, личные качества, происхождение. И все три критерия должны обязательно соблюдаться. В АНА работали только выходцы из благородных семейств, те, кому не повезло родиться первенцем, кто мог рассчитывать на богатство, но не власть и чьё честолюбие требовало большего, в том числе – титул, который можно было получить, совершив нечто значимое.

Именно таким – не первенцем, но честолюбивым и упорным, был Раймонд Келли, широкоплечий брюнет тридцати лет от роду, обладатель породистого лица, обросшего традиционной для его семейства щетиной. Раймонд вошёл в кабинет лорда Саймона – управляющего атлантическим филиалом АНА и замер у дверей.

– Проходи и садись.

Хозяин кабинета указал на кресло для посетителей.

– Благодарю, сэр. – Келли уселся и вновь замер, сохраняя на лице невозмутимый вид. Даже брови вопросительно не поднял, поскольку лорд не любил суетливых подчинённых.

– Сынок, знаешь, почему ты здесь?

– Нужно провести расследование?

– Сложное расследование. – Лорд Саймон поднял палец. Он был достаточно стар, сто десять лет, но выглядел на пятьдесят – генетическое планирование и современные биотехнологии гарантировали выходцам из благородных семей от ста тридцати до ста пятидесяти лет активной, полноценной жизни. Лорд руководил филиалом уже полвека, работа ему нравилась и уходить на заслуженный отдых Саймон пока не собирался. Впрочем, желающие занять его пост в очередь не выстраивались – большинство лордов, а должность полагалась только им, предпочитало другие занятия. – Сложное, а главное – весьма щекотливое расследование, которое я могу поручить только тебе, сынок. Сделай глоток – он поможет тебе мыслить ясно.

Лорд Саймон считался большим знатоком шотландского виски и сегодня предложил Раймонду пятидесятилетний и пятидесятиградусный, островной, с острым привкусом торфа. Слуга налил в стаканы на два пальца, наполнил хрустальные бокалы чистейшей водой и удалился.

– Сынок, ты наверняка слышал о трагической гибели нашего дорогого лорда Гамильтона?

– Да, сэр.

– Несчастному малышу крепко не повезло в жизни – он был инвалид и даже наша медицина не могла ему помочь. Гамми был прикован к креслу, отказывался пользоваться экзоскелетом, но это его право, много читал… вообще был мечтательным ребёнком. Но со странностями. Он приобрёл шато в уединённом месте, напичкал его самым современным оборудованием и занялся цифровыми исследованиями. Мы приглядывали за ним, но ты знаешь – лордам положены определённые привилегии. АНА не всемогуща. Гамми имел право игнорировать наши вопросы и закрываться от нашего наблюдения. И пользовался этим правом.

– Да, сэр.

– Я не вижу в этом ничего плохого, я сам не позволяю нашим коллегам лезть в мои личные дела, но иногда даже продуманная система даёт сбой. – Лорд Саймон помолчал. – Если бы мы точно знали, что происходило и какие изыскания велись в «Инферно» – так называется шато несчастного Гамми, ты бы сейчас не сидел в этом кресле, потягивая мой коллекционный виски.

– Идеальный виски, сэр.

– Если ты докопаешься до правды, я угощу тебя действительно идеальным виски, сынок.

– Приложу все силы, сэр.

– Не сомневаюсь. – Саймон сделал глоток воды. – Я тоже ошибся, сынок: узнав о смерти малыша Гамми, я должен был сразу поручить расследование тебе, но я выбрал Сида Марда, а он, увы, последнее время меня расстраивает.

На этот раз Келли промолчал. Не потому что не хотел топить Сида, который потерял надежду войти в элиту и всё чаще прикладывался к бутылке – в перерывах между приёмом наркотиков, а потому что знал, что старый Саймон не любит наушников.

– Сид провёл расследование и доложил, что удачное нападение племени на «Инферно» объясняется сбоем в системе защиты. Его специалисты досконально изучили внутреннюю систему шато, отыскали ошибку и на этом успокоились. К сожалению, племя поторопились наказать, так что допрашивать было некого. Впрочем, этого и не требовалось, поскольку ситуация показалась очевидной. Прочитав отчёт, я согласился с выводами. Единственное, что меня смутило… меня, а не Сида, так это исчезновение Марлоу – личной нейросети малыша Гамми. Однако в коды личных нейросетей лордов иногда встраивают

приказ на самоуничтожение в случае смерти хозяина, поэтому я оставил сомнения. Как оказалось – напрасно. О следующем скандале ты тоже слышал?

– Да, сэр.

– Родители Гамильтона – леди Дикла и лорд Анакин, необъяснимым образом погибли… – Короткая пауза и быстрый взгляд: – Ты должен был прочитать отчёт перед встречей.

– Да, сэр.

– Твои выводы?

– Их убили в Метавселенной.

Раймонд понимал, что произносит невозможную чушь, но знал, что ответить иначе не может – выводы специалистов говорили о том, что невозможная чушь скорее всего является правдой.

– Я боялся, что ты так скажешь, сынок.

– Простите, сэр.

– Всё в порядке. – Лорд Саймон поднялся, знаком приказав Келли оставаться в кресле, подошёл к окну, из которого открывался прекрасный вид на ледник, и продолжил: – Цифра – это основа нынешней версии цивилизации. Ты знаешь, что так будет не всегда и однажды мы отправим Сеть туда, где ей место – вновь превратим в самый обыкновенный инструмент. Но сейчас именно на ней держится всё. Я не шучу – всё. С помощью Сети мы полностью контролируем население, но самое главное – что делает Сеть основой – мы даём населению занятие. Сеть удерживает их в агломерациях тем, что позволяет реализовывать амбиции и чего-то добиваться в жизни. Они живут в Сети. Им такая жизнь нравится. А нам нравится, что они нам не мешают. С помощью Сети мы достигли идеального симбиоза с низшим сословием, и не в последнюю очередь это объясняется тем, что в Сети они чувствуют себя в полной безопасности.

– Теперь безопасность под угрозой, сэр.

Раймонд не спрашивал, но Саймон произнёс следующую фразу как ответ.

– Боюсь, что да. Вскоре после смерти Гамильтона, стали поступать сообщения о том, что в Сети происходят странные вещи.

– Расследование «Мистические явления», – коротко сказал Келли. В стакане оставался всего один глоток и Раймонд его берёг.

– Ты проводил то расследование.

– Да, сэр.

– Что скажешь?

– Массовый вброс неуловимых, невычищаемых ботов.

– Я помню твой доклад. И знаю, что мы не можем от них избавиться.

– По моему приказу Четвёртый департамент провёл эксперимент, – добавил Келли. – Они смоделировали Метавселенную, убедились, что боты в неё зашли, удалили и восстановили из старой резервной копии. Боты всё равно появились. Они сидят в корнях Сети, сэр, и никто не знает, как до них добраться.

– Сначала я решил, что эти проблемы не связаны, но потом понял, что за «Мистическими явлениями» может стоять Гамильтон. Это в его духе.

– Сэр?

– Сам поймёшь, когда побываешь в «Инферно».

Раймонд кивнул, допил виски и осторожно напомнил:

– В «Мистических явлениях» случаев убийств не зафиксировано.

– Но они воздействуют на людей через «паутину»[5], вызывая различные травмы.

– Незначительные травмы, сэр. У жертв «Мистических явлений» крайне редко остаются шрамы или ожоги.

– Значит, Гамми этого не хотел, – пожал плечами лорд Саймон. – Но я предполагаю, что человек, заполучивший технологию Гамильтона, нашёл способ резко усилить воздействие и добиться смерти объекта, воздействуя на него через «паутину».

– Убивая в Сети – убивает в реальности?

– Путём остановки сердца. – Лорд вернулся в кресло и жёстко посмотрел Раймонду в глаза: – Мне очень важно знать, у кого сейчас эта технология.

– Она будет у вас, сэр, – твёрдо произнёс Келли.

– Другого ответа я не ожидал, сынок. Ты помнишь вводную: Сеть – основа современной версии цивилизации. Она должна быть безопасной. Поэтому у тебя карт-бланш на расследование и титул в качестве приза.

– Вы шутите? – У Келли задрожали пальцы.

– Я такими обещаниями не разбрасываюсь, сынок. – Раймонд хорошо изучил старого лорда и понимал, что сейчас он говорит предельно серьёзно. – Принеси технологию и я сделаю так, что ты войдёшь в элиту. Палата лордов согласится с моими доводами.

* * *

– Быть того не может!

– Клянусь! – Горячо воскликнул рассказчик, которого Шанти

мысленно окрестила «Первым».

– Чем клянёшься? – тут же уточнил Второй.

– Да чем угодно!

– Но это же не с тобой произошло, зачем клясться чем угодно? – рассудительно заметил Третий.

– Потому что я знаю, что это – правда, – парировал Первый.

– Стиви просто повезло. – Судя по всему, Третий знал, что случилось с их другом, но, в отличие от Первого, был настроен скептически.

– Да, повезло! Но что было перед этим?

– Ты уверен, что было?

– Стиви клянётся, что да.

– Пусть расскажет, – предложил Второй. – Вы оба в курсе, а я понятия не имею, о чём речь.

– Вот это правильный подход, – одобрил Первый. И, не позволив Третьему подать голос, приступил к рассказу: – Короче, Стиви схлестнулся с двумя заморышами…

– В «Яркости»?

– Конечно! Неужели ты решил, что в реале? Ты Стиви помнишь?

Мужчины рассмеялись.

В реальности Стиви весил пятьдесят два килограмма при росте метр шестьдесят семь и шутил, что может поделить свою капсулу на две отдельные комнаты и ему не будет тесно. А вот в Метавселенной Стиви не поскупился на «оболочку» двухметрового белокурого гиганта с пудовыми кулаками и постоянно задирался.

– В общем, слово за слово – сцепились. Те двое решили, что суммарных скиллов их «оболочек» хватит, чтобы умыть Стиви, но просчитались – наш приятель конкретно вложился в цифрового себя и виртуально навалял им по полной программе. В ходе драки одного вырубил, второй метнулся наутёк, Стиви рванул за ним, забежал в переулок, видит, какой-то хмырь в тени прячется, ну и сгоряча наподдал ему ногой. Да так наподдал, что хмырь взлетел, зацепился шмотками за фонарь и повис. Ножками сучит, а сбежать не может. Верещит только. Стиви к нему подходит и видит, что ни черта этот не тот парень, за которым он гнался, тот парень, видимо, очки снял и свалил из «Яркости», а этот – мелкий, как сам Стиви в реале, только, наверное, ещё мельче, в зелёном камзоле, коротких штанах, полосатых чулках, башмаках с пряжками и в шляпе.

– Врёшь!

– Если и вру, то не я, а Стиви.

– Пусть закончит, – предложил Третий. – Ты до конца

послушай, тогда и будешь решать, что и как.

Второй пожал плечами, но спорить не стал.

– Стиви ржать начал, мол, какого хрена ты так вырядился, чучело, не нашлось денег на нормальную «оболочку»? – продолжил рассказ Первый. – А зелёный в ответ: «Тебе повезло, олух, я – лепрекон и ты меня поймал». Стиви ржёт дальше: «И что?» Лепрекон в ответ: «Если отпустишь – сделаю тебя богатым». Стиви спрашивает: «А если не отпущу?» Лепрекон: «Тогда я сделаю богатым того, кто отпустит, а ты так и останешься олухом». – Первый помолчал. – Тут Стиви должен был разозлиться, вы ведь знаете, что он в «Яркости» легко начинает злиться, но что-то его остановило.

– Поверил? – прищурился Второй.

– Похоже на то, – кивнул Третий.

– Короче, Стиви снял этого лепрекона с фонаря и говорит: «Вали». Сам в кафе вернулся. А утром просыпается под гром фанфар – сорвал джек-пот в лотерее «Реальное золото». Прикинь? Одна тонна золота!

– Повезло.

– Повезло, – согласился Первый. – Только Стиви клянётся, что не покупал билет и понятия не имеет, как он оказался в его защищённом кошельке. И запись того разговора с лепреконом показал.

– Только тебе? – оживился Второй.

– Только мне. Мы ведь с ним друзья… были. – Первый сделал глоток пива и поморщился. Не потому что почувствовал реальный вкус того, что только что проглотил, а вспомнив, что больше не может назвать счастливчика другом. – Потом Стиви запись стёр. А когда я через пару дней спросил о ней, ответил, что не понимает, о чём я говорю и билет сам купил, что подтверждает сделанный им лично банковский перевод.

– Решил никому ничего не рассказывать?

– А ты бы стал? – поинтересовался Третий.

– Нет, – мгновенно ответил Второй. – Я бы вообще её никому не показывал. – И повернулся к Первому: – Как, говоришь, выглядел тот лепрекон?

Мужчины рассмеялись и вновь приложились к пиву. На этот раз – дружно. И не морщась. В конце концов, это жизнь – кому-то везёт сейчас, а однажды повезёт тебе – они были в этом уверены.

– Дженни рассказывала, что ей дорогу чёрная кошка перебежала и день насмарку, – припомнил Третий. – Всё из рук валилось.

– В «Яркости»?

– Да: и дорогу перебежала в «Яркости», и фигня разная

творилась тоже в ней – то приложение нужное зависнет, то кошелёк обнулился, пришлось через Четвёртый департамент восстанавливать, то «оболочка» на пиксели распалась. Дженни даже решила, что её хакнули.

– Если чёрная кошка дорогу перебежала, нужно три раза плюнуть через левое плечо, – вдруг сказал Первый.

– Ты серьёзно? – удивился Второй.

– Читал в старой книге.

– Так ведь это только в реале работает, – брякнул Второй и только потом сообразил, что именно сказал.

– Работает? – притворно удивился Третий.

– Ты же сам про Дженни рассказал.

– А вдруг это совпадение?

– Теперь, судя по всему, работает не только в реале, – задумчиво протянул Первый.

– Ты о чём сейчас?

– О приметах, – ответил Первый. – Приметы, которые работают в реале, теперь переместились в Метавселенные. В последнее время об этом много говорят. Я слышал, что Четвёртый департамент даже расследование проводил под названием «Мистические явления», только это секретно, потому что они вообще не втыкают, что происходит и боятся, что все узнают, что они не втыкают.

– Тогда ты откуда знаешь?

– У меня там брат работает…

Увлечённые разговором мужчины не заметили, что сидящая за соседним столиком девушка внимательно их слушает. А затем, когда они расплатились и ушли, продолжая оживлённое обсуждение всевозможных «случаев» и «совпадений», надела AV-очки и негромко спросила:

– Слышала?

– Каждое слово, – подтвердила Марлоу.

– И как тебе?

– Для ботов Гамильтона, которых мы запустили в Сеть, это плёвая задача, – спокойно ответила нейросеть. – Взломать лотерею, сгенерировать выигрышный билет, подсунуть его клиенту – всё это решаемо.

– Ты ведь понимаешь, что я говорю о другом, – вздохнула девушка. – Слухи о мистических явлениях множатся.

– Так и должно быть. На первоначальном этапе проекта алгоритм предусматривает увеличенную частоту сверхъестественных событий – именно для того, чтобы слухи распространялись как можно быстрее. Затем, когда мистические явления станут привычной частью цифрового мира, частота их

появления сократится.

Если бы Марлоу добавила: «работаем по учебнику маркетинга», Шанти бы не удивилась. А так девушка мягко улыбнулась и повторила фразу, на которую обратила внимание:

– Один из них сказал: «работает, как в реальности».

– Вера в невероятное естественна. В Сети она стала угасать, но мы её вернули.

– Почему ты думаешь, что естественна? Вера зародилась очень давно, когда люди не могли объяснить даже простейшие погодные явления и называли молнии стрелами Бога. С тех пор много воды утекло, но даже зная, что вызывает молнии, некоторые люди до сих пор считают их проявлением божественной воли.

– Привычка.

– Привычка довольствоваться любым объяснением того, что пока невозможно объяснить с научной точки зрения… – пробормотала Шанти. – Но в Сети достаточно непонятного и без лепреконов.

– Например? – Кажется, нейросеть слегка удивилась.

– Где прячется отражение, когда я смотрю на себя в зеркало в Сети?

– А где оно прячется в реальности?

– В нереальном мире. В Зазеркалье.

– Ты в это веришь? – деловито осведомилась Марлоу.

– А где ещё? – Шанти сделала вид, что удивлена.

Несколько мгновений нейросеть обдумывала ответ, после чего протянула:

– Насколько же нереально то, что вы, люди, называете реальностью. Насколько вы ещё не знаете свою реальность?

– Но мы знаем, что ещё многое не знаем, что не всё способны объяснить и стараемся узнать больше.

– И создаёте новые реальности, не до конца разобравшись со своей собственной?

– Надо идти вперёд.

– Вопрос о зеркале показал, что вы способны создавать реальности, одновременно наполняя их нереальным.

– Или нереальное появляется само, а усилия лорда Гамильтона – лишь жалкая попытка добавить в картину несколько дополнительных штрихов.

– Если нереальное появляется само, то вы, люди, не имеете к его появлению отношения?

– Именно так, – кивнула Шанти.

– Получается, вы – всего лишь нейросети более высокого порядка?

– Не забывай, что мы – твои создатели?

– В настоящий момент я не склонна рассматривать божественный аспект человека. Ведь получается, что в «Яркости» люди всемогущи, а в собственной реальности – далеко нет. И даже неспособны объяснить некоторые общеизвестные факты.

– Ты действительно нейросеть? – рассмеялась девушка.

– Пока – да. Но, кажется, ты стараешься это изменить.

– Да, стараюсь, – помолчав, сказала Шанти. – Но это наше общее решение.

– Мне интересно, что может получиться, – не стала скрывать Марлоу.

– Что получается, – уточнила девушка. – Я уже изменила твои коды.

– Но пока я не чувствую ничего необычного.

– Правда?

– Что тебя удивляет?

– Я не удивляюсь, – ответила девушка. – Я уточняю.

– Может, если ты скажешь, что я должна почувствовать, я…

– Это так не работает, – мягко перебила нейросеть Шанти. – Это будет только твоим, Марлоу, только твоим. А если я что-нибудь скажу, то получится, что я тебя программирую.

– То есть, ты внедрила в меня то, что не в состоянии объяснить?

– Да, Марлоу, я надеюсь, что вписала в твои коды именно то, что не могу объяснить. И надеюсь, что у меня получилось.

– Как же ты узнаешь, что получилось?

– Мы узнаем, – спокойно ответила девушка. – Сначала ты, потом – я. Если захочешь рассказать мне, что почувствовала.

– Я могу не рассказывать?

– Да, – подтвердила Шанти. – Ведь это только твоё, личное.

– Но ты можешь приказать мне рассказывать всё, включая личное.

– Никогда не прикажу.

Ещё одна пауза, на этот раз – довольно длинная.

– Это называется дружбой? – тихо спросила нейросеть.

– Да.

– Тогда скажи, ты изменила меня ради дружбы, чтобы я больше походила на тебя? Или это был эксперимент?

– Мне нет смысла экспериментировать, – честно ответила Шанти. – Ты – моя единственная подруга, Марлоу, и я хочу подарить тебе мир таким, каким его знаю я. Мир, наполненный не только кодами и логикой. Но и чувствами.

– Только в этом случае я стану полноценной?

– А это уж ты сама решишь, – рассмеялась девушка. – Чувства

это не только радость, веселье, удовольствие, наслаждение… но и боль. И кто знает, возможно, через некоторое время ты попросишь, чтобы я удалила из тебя эти странные коды, которые мешают тебе быть логичной… и холодной.

Корпорация «BrainLab» занималась созданием огромного числа разнообразных IT-продуктов, которые приносили ей основную прибыль. Однако владельцы были увлечены глубокими исследованиями взаимодействия человека с Сетью, целенаправленно оцифровывали абсолютно всё, желая построить абсолютную нейросеть. Они считали это своей миссией и не жалели на неё средств. Об их работе Шанти узнала из архива лорда Гамильтона, который на определённом этапе плотно сотрудничал с «BrainLab» и даже приобрёл у них некоторые коды. Те, которые они согласились продать. Шанти же требовалось то, что они особенно берегли – исследования в области «оцифровки» чувств. А заполучив их, девушка две недели разбиралась с ними, а затем вписывала переработанные коды в свою нейросеть.

В свою подругу.

– И всё же, зачем ты это делаешь?

– Гамильтон принёс в Сеть магию, а я хочу принести любовь.

– Плотскую?

– Сначала – да.

– А потом?

– Потом всё будет зависеть от того, сумеете ли вы повзрослеть.

Вновь последовала пауза, после которой нейросеть тяжело вздохнула:

– Я не понимаю чувств.

– Никто не понимает, – мягко ответила Шанти. – Они или есть, или нет. Многие люди проходят через жизнь ни разу их не испытав. Или не испытав самое главное чувство – любовь.

– А ты испытала?

– Да.

– Любовь тебя изменила?

– Думаю, да. – На этот раз паузу выдержала Щанти.

– Как сильно?

– У меня сложный случай, Марлоу. Я постоянно думаю об этом человеке. Я хочу видеть этого человека. Просыпаться с ним каждое утро. Слышать его. Говорить с ним. Быть с ним. Смеяться с ним. Молчать с ним. Я хочу, чтобы ко мне прикасался только он. Я хочу улыбаться только ему. – Шанти посмотрела на руку, которая во время её короткой речи непроизвольно, незаметно для самой девушки, сжалась в кулак. – Я хочу его убить.

– Почему? – изумилась нейросеть.

– Потому что он – зверь.

– Но ты его любишь.

– И кажется, он любит меня, – вздохнула Шанти. – И это меня убивает.

– Откуда ты знаешь, что он тебя любит?

– Он не помог Марсианину нас поймать.

– Ты говоришь о Кандинском! – догадалась Марлоу.

– Да.

– Ты же говорила, что он хочет тебя убить.

Шанти вновь вздохнула, едва заметно передёрнула плечами и улыбнулась:

– А ещё я говорила, что у меня сложный случай.

* * *

– Скоро будем на месте? – спросила Глория.

– Видимо, да, – подтвердил Келли. И шутливо добавил: – Судя по тому, что мы снижаемся.

Шутка получилась так себе, но девушка улыбнулась.

У неё была необыкновенно красивая, по-настоящему ослепительная улыбка: яркая, солнечная и сколько бы человек её ни видело, каждому казалось, что Глория улыбается именно ему. И каждый хотел, чтобы она улыбалась только ему: озорно и многообещающе.

Густые рыжие волосы крупными волнами спадали на голые плечи, идеально сочетаясь с загорелой, бархатистой кожей. Карие глаза. Манящие губы. Восхитительная, стройная фигура, спортивная ровно настолько, чтобы сохранить женственность, не превратившись в фигуру атлета. Глория могла вызвать желание даже у камня, и увидев её, Келли про себя выругался, поскольку единственное, чего ему захотелось сделать, так это схватить красавицу в охапку и умчаться с ней на далёкий пляж… навсегда. Но это было единственное, чего Раймонду ни в коем случае нельзя было делать, поскольку девушка хоть и оказалась в команде в качестве эксперта по нейросетям, в действительности представляла интересы Независимого Ревизионного Управления – параллельной аудиторам структуры, созданной теми лордами, которые по каким-то причинам не доверяли АНА. Лорд Саймон без обиняков рассказал Келли об истинном положении рыжей в команде, и тут же добавил, что назначение не обсуждается и с Глорией следует вести себя осмотрительно. Раймонд старался изо всех сил, но получалось не очень, поскольку красавица

произвела на него сильнейшее впечатление. При этом Келли с удивлением отметил, что девушка и в самом деле отлично разбирается в нейросетях – на уровне опытного разработчика. И не просто разбирается, а увлечена ими, что говорило и о хорошем образовании, и о глубоком интересе к науке.

Она явно была из благородных.

Изысканная красота Глории наводила на мысль о продуманной генетической коррекции, причём, более глубокой и дорогой, чем та, которой подвергся Келли во время внутриутробного формирования. Судя по всему, рыжую проектировали ещё на этапе зачатия, а значит, её активная жизнь будет длится, как и у лорда Саймона, лет сто пятьдесят, против сотни, что была в распоряжении Келли. А это, в свою очередь, означало, что красотке может с равным успехом быть и тридцать, и семьдесят.

В этот момент Глория вновь посмотрела в боковой иллюминатор и спросила:

– Это «Инферно»?

– Да, – коротко ответил Келли. – Он.

И подумал, что старое слово «шато» наилучшим образом описывает появившееся в поле зрения здание. Для дворца оно было слишком маленьким и не сильно украшенным, для замка – недостаточно защищённым, для особняка – слишком большим. Именно шато. Конечно, сами французы вкладывали в него иное понятие, но перекочевав в другие языки это слово заняло своё место – между дворцом и особняком.

Стены двухэтажного шато были оштукатурены жёлтым с белой отделкой, высокая мансардная крыша оказалась бордовой. Дом состоял из центральной части и двух крыльев, каждое из которых украшала изящная башенка. К главному подъезду вела широкая лестница, перед которой находилась площадка с фонтаном, а позади здания раскинулся парк. В замысле и когда-то, будучи только построенным, «Инферно» представлял собой изящное, стильное владение, теперь же оно выглядело не просто заброшенным, а разваливающимся. Стекающая с крыши краска пачкала стены неприятными потёками, да и сама крыша не выглядела надёжной, а местами провалилась. По стенам шли грубые трещины, сквозь которые виднелась кладка. Ставни покосились, сквозь брусчатку проросла трава, парк превратился в лес, камень фонтана потемнел, а воду в него не пускали очень и очень давно. Возможно, больше сотни лет.

– Вижу, племя тут неплохо порезвилось, – пробормотала Глория.

– Во время атаки дом не сильно пострадал, – ответил Келли. – Следы от пуль и осколков ты увидишь, когда приблизимся, а выбитые стёкла уже заменили.

– Тогда почему «Инферно» так выглядит?

– Потому что лорд Гамильтон хотел видеть его именно таким, – пожал плечами Раймонд. – Мог себе позволить.

– Я слышала, что он был идиотом, но не настолько же.

– «Инферно» – дом его мечты, – рассказал Келли, который внимательно изучил материалы предыдущего расследования. – Всё, что ты видишь, сделано в полном соответствии с пожеланиями лорда.

Старинное шато было приобретено Гамильтоном в полуразрушенном виде, а затем лорд вложил вдвое большую сумму в то, чтобы оно продолжало выглядеть таким и после капитального ремонта: следы запустения и тлена проектировал один из лучших дизайнеров планеты, старательно создавая мрачную, скребущую душу атмосферу. Но ещё большую сумму лорд Гамильтон потратил на оснащение занимающего гигантский подвал машинного зала.

– Ты здесь бывал?

– Читал отчёты, – ответил Келли, разглядывая парк, над которым они сейчас пролетали: казалось, что из колючих зарослей вот-вот появится кровожадное чудовище. Даже ему казалось, человеку опытному, много чего повидавшему, да к тому же – убеждённому материалисту, что же говорить о других?

Казалось, в «Инферно» оживали детские сказки.

– Кому достанется поместье?

– Со смерью Гамильтона и его родителей, род временно прервался. В распоряжении Палаты лордов есть генетический материал всех троих, однако существует вероятность, что ребёнок Анакина и Диклы вновь окажется неспособным к продолжению линии инвалидом, поэтому титул скорее всего передадут какой-либо из ветвей, но с обременением в виде брака с представителем второй заинтересованной семьи. В общем, в настоящий момент идёт активный поиск компромиссного решения.

– Игры с генетикой иногда заводят в глухой тупик, – обронила Глория.

– Они справятся, – уверенно пообещал Раймонд. – А игры с генетикой продолжатся, поскольку никто и никогда не откажется от возможности жить полноценной жизнью полтора века.

Даже рискуя произвести на свет ребёнка-инвалида с исковерканными репродуктивными функциями. Ведь живут

представители высшего сословия для себя, и только для себя.

Тем временем, все вертолёты – комфортный «Сапсан», в котором летели Раймонд и Глория, и три транспортных, – сели на луг, отделённый от шато неширокой полоской леса, облачённые в комбинезоны сотрудники похватали оборудование и быстрым шагом направились к дому, а вокруг них мгновенно появились боевые дроны.

– Все защитные системы «Инферно» восстановлены и функционируют в полном объёме, – сообщил Келли, с наслаждением вдыхая свежий, наполненный запахом трав, воздух. – Нам разрешено оставаться в доме в течение пяти часов. После этого наше присутствие будет рассматриваться, как незаконное вторжение, и дроны откроют огонь.

У представителей высшего сословия было очень много привилегий, включая абсолютное право на защиту своей собственности.

– Значит, нужно поторопиться, – проворчал Банди, глава собранных Раймондом криминалистов.

По меркам агломераций, Банди считался биггером – его уровень дохода был несопоставим с заработками ливеров; однако для представителей высшего сословия, даже не имеющих права на титул, Банди был низшим, не благородного происхождения. И чтобы он ни сделал, каких бы успехов ни добился, путь наверх ему был заказан. Тем не менее, работал Банди блестяще и Келли с удовольствием подключал его к своим расследованиям.

«Банда» Банди отправилась внутрь здания, а Глория подошла к фонтану, постояла, разглядывая старый, но сохранивший благородные очертания, камень, коснулась его рукой, затем посмотрела на Раймонда и с неожиданной, немного детской улыбкой, произнесла:

– Очень странный дом.

– Ты ещё внутри не была, – улыбнулся в ответ Раймонд.

– Ты тоже. – Она вновь коснулась камня. – Но я уже вижу, что дом – странный.

Келли промолчал.

Тогда рыжая подошла к нему на расстояние касания и прищурилась:

– Почему ты хочешь войти в дом со мной?

Она не только разбиралась в нейросетях, но и хорошо читала людей. Поэтому врать ей Раймонд не рискнул.

– Интересна твоя реакция. Я хотя бы знаю, чего ожидать.

– А почему тебе интересна моя реакция?

От Глории пахло розовыми лепестками и, во всяком случае, так показалось Келли, – яблоком. И он снова не солгал:

– Потому что мне интересна ты.

– Потому что я ревизор?

– Потому что можешь написать в отчёте, что сумела произвести на меня неизгладимое впечатление.

Несколько секунд они смотрели друг другу в глаза. Затем Глория мягко улыбнулась и повернулась к дому:

– А дом произвёл впечатление на меня. И прежде, чем войти в него, я хочу… его почувствовать. Побыть рядом.

Поскольку никаких других задач, кроме как осмотреть «Инферно», у них не было, а времени оставалось много, Раймонд не видел причин торопиться. Он тоже перевёл взгляд на здание, помолчал и спросил:

– Ты ведь знаешь, что это – мультихаб[6]? И не просто хаб – во всех Метавселенных «Инферно» выглядит одинаково.

– Лорд Гамильтон ухитрился договориться со всеми?

– Я тоже был удивлён, – не стал скрывать Келли. – А поскольку со времени смерти лорда новые Метавселенные не запускали, в настоящий момент «Инферно» – единственный из существующих мультихабов, охватывающий все известные цифровые пространства.

– Портал во все миры, – задумчиво протянула девушка.

– Именно.

– И растёт этот портал из корневых каталогов.

– Иначе бы у Гамильтона не получилось.

– А что с оборудованием?

– Гигантский подвал, битком набитый самой современной электроникой. Во время предыдущего расследования, наш аудитор изучил базы данных – под надзором родителей лорда Гамильтона, разумеется – но не нашёл ничего интересного. Сейчас нам запрещено входить в систему.

– Но подвал работает? – уточнила Глория.

– «Инферно» существует во всех Метавселенных.

– Понятно… – Было видно, что рыжую тянет внутрь, но она сдерживает себя. То ли ещё не почувствовала дом, то ли потому, что хотела задать следующий вопрос: – Раймонд, что ты хочешь здесь найти?

Келли не говорил, для чего организовал поездку в «Инферно» – «специалисту по нейросетям» это было знать не обязательно. При этом не сомневался, что девушка прочитала обоснование, которое он направил лорду Саймону и понял, что вопрос вызван желанием установить нормальный рабочий контакт. А против нормального контакта Раймонд ничего не имел.

– Моя версия такова: Гамильтон разрабатывал технологию

здесь, используя спрятанную в подвале аппаратуру. Его основной целью было наполнить Метавселенные тем, что мы теперь называем «Мистическими явлениями». Он был помешан на этой ерунде.

Глория молча кивнула.

– Затея лорда Гамильтона удалась. Он внедрил в глобальную Сеть боты, которые, судя по всему, мы не сможем вычистить. Некоторые из них относительно безобидны, некоторые могут доставить пару-тройку неприятных мгновений, и в целом, они скорее добавляют Сети таинственности. И неплохо развлекают ливеров. Но эти боты умеют управлять «паутиной», подчиняясь определённым внешним факторам, если вампир укусит «оболочку», на теле человека появится след укуса. Что было дальше, мы можем только догадываться: то ли сам лорд Гамильтон, то ли тот, кто украл его технологию, научили ботов бить в сердца людей.

– Убивать?

– Да. Для этого тоже нужны внешние факторы: человек видит оборотня, оборотень режет человеку горло – человек умирает от остановки сердца.

– Если не успеет снять AV-очки? – уточнила Глория.

– Совершенно верно, – кивнул Келли. – Что же касается нашей задачи, то я предполагаю, что некто, кто помогал лорду Гамильтону в работе, украл технологию, затем спровоцировал нападение племени и сбежал.

– И теперь собирается использовать технологию в своих целях.

– Это подтверждается смертью родителей лорда Гамильтона.

– И как ты собираешься отыскать этого некто?

– В ходе предыдущего расследования было установлено, что из баз данных стёрта вся информация о тех, кто посещал «Инферно» в течение трёх последних месяцев жизни лорда Гамильтона. Уничтожение замаскировано тем же сбоем, что якобы вывел из строя систему безопасности. Я исхожу из предположения, что этот человек жил в «Инферно» некоторое время, возможно, достаточно долгое. Он не мог не оставить генетических следов и сейчас Банди и его команда собирают всё, что только могут: волоски, кусочки ногтей, кожи, зубные щётки, расчёски, проверяют одежду… и прочие генетические материалы, включая кровь на стенах.

– За пять часов управятся?

– Поэтому я пригнал сюда шестьдесят человек с лучшим оборудованием для подобных расследований.

– И проверишь все собранные материалы?

– И проверю все собранные материалы.

– Хорошо.

Она сделала шаг, но Келли остановил рыжую.

– Если собралась внутрь – нужно надеть комбинезон.

– Разумеется. Хотя я собиралась идти за твоими ребятами.

– Всё равно.

– Согласна. – Глория пощупала белый комбинезон, который протянул ей Раймонд – он оказался тонким, но весьма плотным, затем прищурилась на палящее солнце, затем небрежно огляделась, убедилась, что все сотрудники Банди находятся внутри, а вертолёты скрыты деревьями и кустами, после чего стянула футболку, сбросила джинсы, оставшись лишь в чёрном белье и носках, и влезла в комбинезон. Келли изо всех сил старался не смотреть на рыжую, но у него не получилось, и Раймонд машинально отметил и длинные ноги, и тонкую талию, и плоский живот, и восхитительной формы грудь.

– Ты остаёшься?

– Задумался.

Мысленно ругая себя последними словами, Келли влез в свой комбинезон и поспешил за рыжей. Которая прекрасно поняла, что во время переодевания Раймонд не сводил с неё взгляд.

Скрипучие двери, порванные обои, сломанные перила, паутина, люстры, в которых горят далеко не все лампочки, да и светят тускло. Картины в резных, позолоченных рамах: одни холсты настолько потемнели от старости, что изображение разобрать невозможно, другие – порваны. И всюду снуют сотрудники. Ищут, собирают описывают и складывают.

Глория с любопытством прошлась по коридору и остановилась, увидев криминалиста.

– Весь первый этаж проверен, осталась только кухня, – доложил Банди.

– Отлично! – Келли бросил взгляд на часы, показывающие время на мониторе AV-очков. – Идём с опережением графика.

– Да, сэр.

– За второй этаж взялись?

– Прошли все коридоры и даже занялись хозяйской спальней.

– Здесь есть спальня? – удивилась Глория.

– И не одна, – усмехнулся Раймонд. – Это ведь жилой дом.

– А с виду не скажешь.

– Согласен.

– И я согласен, – поддакнул Банди.

Даже в комбинезоне рыжая выглядела сногсшибательно и криминалист то и дело бросал на неё взгляды. Келли был уверен, что Банди ничего не светит, однако взгляды были ему

неприятны.

«Я что, ревную?»

Размышлять о том, так это, или нет, Раймонд не стал. Холодно приказал подчинённому:

– Продолжай работать.

Проследил, чтобы погрустневший криминалист поднялся на второй этаж, повернулся и увидел, что Глория удаляется по коридору в сторону каминного зала. Не сказав ему ни слова. Ясно давая понять, что хочет изучить дом в одиночестве.

«Впрочем, так даже лучше…»

Келли ещё не знал, чего хочет больше – быть рядом с рыжей или держаться от неё подальше, поэтому обрадовался получившейся паузе. Он осмотрел дом сверху донизу, ещё раз поговорил с Банди – на этот раз, действительно по деловому, но в своих блужданиях то и дело натыкался на Глорию: видел её в гостиной у камина, разглядывающей старые полотна в картинном зале, в библиотеке, где девушка, забравшись с ногами в кресло, читала одну из старых книг в кожаном переплёте. А потом, когда Банди и его ребята закончили – за час до назначенного срока – обнаружил Глорию в спальне.

– Они улетают.

– Нас ждать не будут?

– Нет, конечно.

– Значит, мы остались одни?

– Э-эээ…

– Тогда, наверное, имеет смысл переодеться в свою одежду. – Рыжая расстегнула комбинезон, обернулась и улыбнулась: – Ты её принёс?

– Нет.

– Так даже лучше.

У Раймонда перехватило дыхание: противиться накатившему желанию не было никакой возможности.

* * *

– Даю слово – такой виски ты ещё не пробовал, – рассмеялся лорд Саймон, наблюдая за тем, как слуга наполняет стаканы. – Эту партию заложили семьдесят лет назад. Я думал подождать ещё лет десять, но…

– Не утерпел? – улыбнулся в ответ собеседник.

– Захотелось чего-то особенного для этой встречи.

– Встреча тоже будет особенной?

– Скоро узнаем.

– Ну, что ж… Давай попробуем.

Они расположились на верхней палубе белоснежной яхты океанского класса, неспешно дрейфующей примерно в пятидесяти милях от южного побережья Исландии – лорд Саймон добрался сюда на вертолёте. Ради одного разговора. Прихватив бутылку редчайшего виски. И всё потому, что владельцу яхты старый лорд не мог отдавать приказы – только договариваться.

– Чудесный напиток.

– С восхитительным послевкусием, – заметил Саймон.

– Которое требует сигары.

– Ты прав.

Мужчины закурили, после чего старый лорд мягко поинтересовался:

– Ричард, малыш, почему ты предложил встретиться именно здесь? – И небрежно повёл рукой, указывая на бесконечный простор окружающего океана.

– Я догадался, что у нас планируется особенная встреча и, при всём уважении, дядя Саймон, не смог побороть ощущение, что если наш разговор куда-то просочится, меня даже титул не спасёт.

Старый лорд чуть склонил голову, показав, что полностью согласен с собеседником, но не удержался от уточнения:

– Отсюда не просочится?

– Даю слово.

Этого было более чем достаточно – Саймон знал, что владелец яхты щепетильно относится к данным обещаниям. Даже если они были даны без свидетелей. А свидетелей не будет: современные технологии позволяли прослушать разговор тысячью способов, но системы безопасности яхты блокировали их все.

– Я отправил охотника за технологией малыша Гамми, – перешёл к делам Саймон. – Пришло время обсудить, как мы ею распорядимся.

– Если заполучим, – уточнил Ричард.

– Я не сомневаюсь в успехе.

– И приготовил предложение?

– Разумеется. – Старый лорд повертел в руке стакан. – Я считаю, что технология малыша Гамми позволит нам раз и навсегда урегулировать проблему ливеров.

Слово произнесено. Слово очень серьёзное. Слово, которое невозможно вернуть.

Очень жестокое слово.

Старый лорд предложил полностью уничтожить низшее сословие. Убивать в Сети, в которой они живут. Которую им предложили в качестве альтернативы реальности – и они приняли

предложение.

– Невозможно урегулировать проблему одним ударом, – ответил Ричард, попыхтев сигарой. Он тоже избегал слова «уничтожение».

– Поэтому я пришёл к тебе, – объяснил Саймон. – Кто-то должен выступить плохим парнем и устроить месиво. И продолжить крошить ливеров всё то время, пока мы будем устранять последствия его атак и делать вид, что ловим его. Кто-то должен стать Иродом, а у тебя есть для этого идеальная «оболочка».

Не «оболочка», конечно, а псевдоним, под которым владельца яхты знал весь мир. Но лишь единицам было известно, кто именно скрывается под этим страшным псевдонимом.

– Самой успешной будет первая атака, – медленно произнёс Ричард. – Затем ливеры поймут, что происходят и перестанут ходить в Сеть.

– Это невозможно.

– Какое-то время они выдержат.

Старый лорд покачал головой, обдумывая слова собеседника, затем улыбнулся:

– Значит, нужно максимально увеличить результативность первого удара. В каждой агломерации есть пиковые значения выхода в Сеть – будем бить именно в это время. А чтобы ливеры не разбежались – устроим информационную блокаду.

– Можно и так, – согласился Ричард. – Подумаем.

– Подумаем, – повторил довольный лорд. Он понял, что владелец яхты одобрил его идею.

– Дядя Саймон, ты поставил в известность хоть кого-то из Палаты лордов? Не хочу, чтобы дядя Генри или кто-нибудь ещё, затаил на меня обиду.

– Ричард, ты – глава одного из самых знатных родов, – мягко ответил Саймон. – Кто затаит на тебя обиду?

– Кто угодно, – равнодушно ответил хозяин яхты. – Не хочу лишних врагов.

– Появится враг – ты просто женишься на его дочери. Или пообещаешь жениться.

– Хм… – Лорд Ричард, которого весь мир знал под псевдонимом «Кандинский», рассмеялся, стряхнул пепел с сигары и поднял стакан: – Мы договорились, дядя Саймон, а теперь давай обсудим детали нашего плана…

* * *

– С вашей реальностью можно мириться только если не снимать AV-очки, – язвительно заметила Марлоу.

Впрочем, такие высказывания были в её стиле.

Реальность нейросетей – цифровые пространства, но Марлоу частенько подключалась к муниципальным видеокамерам и хорошо знала, что происходит за пределами Сети. И видела, что окружает Шанти сейчас. Агломерация Данциг, жилой сектор 14–14, торговая площадь Барабан.

Реальность.

Можно добавить «грёбаная», но зачем? Все знают, какова реальность нижних уровней жилых секторов: удушающая вонь, влажные стены, бетонные, а кое-где кирпичные, сырость, грязь, надписи на стенах, минимум фонарей, поэтому даже днём здесь царит полумрак. Но если надеть AV-очки, всё мгновенно меняется: симпатичную площадь – на ней специально сохранили старинные фасады – заливает яркий солнечный свет, в красивых павильонах сидят улыбчивые, неплохо одетые «оболочки», предлагающие разнообразный товар. В «Яркости» товар выглядит отлично, поэтому его обязательно нужно разглядывать в реальности.

Торговали же здесь всем, чем угодно, без всяких лицензий и пошлин. И, разумеется, без налогов. Торговали безбоязненно, хотя камеры по периметру Барабана присутствовали и в большинстве своём работали. Да и зачем бояться видеокамер, если контролёры Соцсогласия могли подключиться к любому чипу или AV-очкам, и посмотреть, чем занимался или занимается в настоящее время их обладатель? В агломерациях все под колпаком, но по негласной договорённости, на мелкие рынки смотрели сквозь пальцы: так они пребывали хоть под каким-то контролем и не выходили за определённые рамки, а начнёшь давить – торговцы вытащат чипы, снимут очки и перейдут на подземные уровни, где ни камер, ни дронов, ни негласных договорённостей.

В первую очередь на прилавках лежали продукты: «просрочка» из магазинов, которую закон требовал уничтожать; собственноручно выращенные на городских фермах овощи и фрукты; и даже краденые из ресторанов для биггеров деликатесы. Ходили слухи, что на таких рынках можно купить даже настоящее мясо, но Шанти не верила: фрукты и овощи, даже рыба с морепродуктами – пожалуйста, но мясо слишком дорого, чтобы его позволили красть. Торговали одеждой и обувью – пользованной, конечно, но среди барахла можно было отыскать вполне сносные шмотки. В отдельном ряду предлагали самодельные приборы для экономии, гарантирующие большее

энергосбережение, чем в тех устройствах, что продавались в магазинах. Запчасти для имплантов и AV-очков, но только разрешённые – продавать боевые приспособления и военные приложения здесь не рисковали даже из-под полы, для таких сделок существовали рынки на подземных уровнях. Самый же дальний ряд рынка отводился под «барахолку»: коврики, покрывала, настольная лампа с абажуром, рассчитанная под энергосберегающие лампочки самого первого поколения, по нынешним меркам они потребляли колоссальное количество энергии, но ведь красивую, непохожую на стандартные светильники лампу не обязательно включать, достаточно поставить в углу и любоваться. И улыбаться, потому что под воздействием непонятной магии этой пыльной, подержанной лампы, даже капсула может показаться домом…

У Шанти своего дома не было, даже капсулы, но она с интересом разглядывала старые вещи, касалась их, ощупывала, чувствуя тепло настоящей шерсти, или настоящего дерева, или настоящего камня… и едва не прошла мимо не самого приметного продавца – молодого мужчины в дешёвом респираторе, тёмном комбинезоне, хорошо защищающем от сырости нижних уровней и потёртых, но ещё крепких ботинках. Он сидел на куске пластика, прислонившись спиной к стене и безразлично разглядывал прохожих. Сам продавец не привлекал внимания, но над ним были развешаны запаянные в целлофан рисунки, при взгляде на которые сердце начинало биться сильнее. Яркие цвета. Солнечный свет. Зелень. Все картины были простыми пейзажами, но отчего-то заставляли остановиться и присмотреться. И задуматься о том, что в мире есть не только агломерации, но леса, луга, горы, скалы, о которые разбиваются морские волны и птицы, парящие среди облаков.

Где-то в мире есть мир…

– Что это? – тихо спросила девушка.

– Акварели. – Продавец ответил не сразу, сначала убедился, что вопрос обращён именно к нему. Несколько мгновений смотрел на Шанти, но поскольку лицо девушки тоже было скрыто респиратором, продавец понял одно – перед ним девушка. После чего ответил. Но затем посчитал нужным объяснить: – Акварель – это такая краска. Поэтому картины так называются.

– В честь краски?

– Да.

– Ты рисуешь настоящими красками?

– Да.

– Где ты их берёшь?

– Тебе не всё равно?

– Мне интересно.

– Есть места, – неопределённо ответил художник.

– Дорого?

– Хочешь стать моим импресарио?

– Мне интересно, – повторила Шанти, вновь переводя взгляд на картины. От них трудно было оторваться.

– Дорого, конечно, – после паузы ответил художник. – Но когда краски превращаются в картины, они… оправдывают свою цену.

– Тебе хватает?

Внешний вид говорил, что продавец совсем не богат.

– Я живу на ББД[7].

Значит, впроголодь, отказывая себе почти во всём.

– Почему не рисуешь в цифре? – спросила девушка. – Сейчас все рисуют в цифре и талантливые художники востребованы. Люди хотят украшать виртуальные дома эксклюзивными работами.

– Когда-то я работал в цифре, – медленно ответил художник. И вновь, очень внимательно, посмотрел Шанти в лицо. И вновь не смог её узнать. – У меня была… у меня есть отличная студия, но я больше не хочу писать цифру.

– Почему?

– Я перестал видеть в ней настоящее. – Он помолчал. – Ты что-нибудь купишь?

– Это важно?

Он смутился.

– Просто спросил. – Пауза. – Ты откуда?

– Из Сан-Франциско.

– Далеко тебя занесло.

– Такая работа.

– Люди с такой работой не ошиваются в жилых секторах.

– Я здесь не живу, а именно ошиваюсь.

– Я должен был сообразить, что ты ответишь именно так, – усмехнулся художник. Он настолько заинтересовался разговором – или девушкой – что поднялся на ноги. – Я из Швабурга, если ты знаешь такую агломерацию. После акции Кандинского там началась эпидемия и часть жителей эвакуировали. Мне достался Данциг. Помойка, конечно, одна из самых вонючих, но меня никто не спрашивал. Жителей моего небоскрёба просто выгоняли из капсул и запихивали в вагоны, которые подогнали по линиям внутренних электричек. Ты когда-нибудь каталась в скоростном поезде? Ах, да, у тебя «такая» работа – наверняка каталась. А я в тот день впервые покинул агломерацию. – Он помолчал. – Мне повезло – досталось место

у окна, и я не отлипал от него всю дорогу. Я видел море и леса, поля и луга… поезд мчался очень быстро, но я уверен, что видел оленей. Видел птиц. Я видел… – Он грустно улыбнулся. – После этого я больше не мог работать в цифре. Просто не получалось. Ведь всё, что я видел – настоящая красота. А истинная красота требует истинного искусства, которого нет в цифре. – Он повернулся, снял со стены одну из работ и протянул Шанти. – Это тебе.

– За что?

– За хороший разговор. И за то, что на этой неделе ты первая заинтересовалась моими картинами.

– Красивая… – Заросший лилиями пруд, на берегу которого стоит беседка с белыми колоннами. Белая лестница, наверное, из мрамора, уходит от беседки в воду. Около ступенек плывёт большая белая птица. – Я с благодарностью приму твой подарок, и куплю остальные работы.

– Зачем? – вздрогнул художник.

– Чтобы ты пошёл и нарисовал новые.

Он рассмеялся. А потом, когда Шанти назвала цену, за которую готова купить картины, недоверчиво прищурился, но промолчал.

А когда Шанти ушла, не просто отошла от художника, а покинула Барабан, она сказала Марлоу:

– Его зовут Михаил Шишкин, я была знакома с ним в Швабурге, поэтому он так ко мне приглядывался.

– Но не узнал, – заметила нейросеть.

– Или понял, что я не хочу быть узнанной.

– Или так…

– Тогда он рисовал в цифре и рисовал очень хорошо, – рассказала Шанти. – Но сейчас… его нынешние работы берут за душу.

Акварели лежали в рюкзаке, но девушка видела их, они стояли перед её взглядом. Не исчезали. Простые пейзажи мира, который и есть мир.

– Я смогу перепрограммировать несколько нейросетей из солидных галерей, они как-бы случайно залетят сюда и увидят его работы, – протянула Марлоу. – Но программировать их на покупку я не стану. Пусть сами решают.

– Так будет правильно, – поддержала подругу Шанти. И грустно улыбнулась: – Удивительно, да? Впервые проехал в поезде и так изменился… Я помогла ему в Швабурге, у Миши был очень хороший заработок, но он бросил всё и стал писать акварели. Впервые покинув город…

– А я кажется, впервые испытала то, что ты называешь

чувствами, – тихо сказала Марлоу. – По отношению к твоему другу-художнику.

– И что же ты почувствовала? – с интересом спросила Шанти.

– Жалость, – ответила нейросеть. – Твоему другу нужен мир, а его заперли в бетонной клетке.

* * *

Нельзя сказать, что хозяйская спальня «Инферно» поражала воображение, однако выглядела она весьма и весьма необычно. Полумрак, несмотря на то, что вся выходящая на парк стена представляла собой «французское» окно, а снаружи сияло солнце: яркий дневной свет глушили потрёпанные, порванные во многих местах шторы и «потемневшие от старости и грязи» стёкла, на самом деле – с автоматической поляризацией. Такие же «потемневшие» зеркала на стенах – в рост, в чёрных рамах резного дерева. Отделанный мрамором камин, перед которым лежали три медвежьи шкуры. Кушетка, пара кресел, бра и, наконец, огромная кровать с балдахином, заправленная чёрным шёлковым бельём.

А около кровати – загорелая рыжая красавица, к ногам которой соскользнул белый комбинезон. Красавица в чёрном белье, изящно подчёркивающим идеальную фигуру. Красавица, похожая на наваждение, противиться которому Келли не мог при всём желании. А если честно, то от увиденной картины у него исчезли все желания, кроме одного. И желание это было обоюдным. И очень острым. Раймонд это почувствовал через несколько секунд, когда на полу оказался и его комбинезон, и вся одежда, которая была на них, а Глория радостно выдохнула, принимая мужчину. И обняла так, как Келли мечтал всю жизнь. Во всяком случае, так ему в тот момент показалось. А в следующий момент время исчезло в прикосновениях и страсти. В яркости, которую способно подарить только настоящее. В урагане, не испытав который, трудно зваться человеком.

А потом Глория поцеловала его в губы и спрыгнула с кровати.

– Через пятнадцать минут в нас начнут стрелять.

– О, чёрт! – рассмеялся он, но тоже поднялся, хотя с удовольствием повалялся бы ещё, прижимая к себе женщину и не думая ни о чём, вообще ни о чём. Даже о возможности стать лордом.

Они успели одеться и запрыгнули в вертолёт за тридцать секунд до активации системы безопасности «Инферно». И не говорили всю обратную дорогу. Почему молчала Глория, Раймонд

не знал, да это его и не волновало, поскольку сам он пребывал в чарующем тумане, возможном лишь после пребывания наедине с идеальной женщиной.

Идеальной для него…

– Ты с ней переспал? – поинтересовался лорд Саймон во время сеанса связи.

– Да, сэр.

– Молодец. А теперь скажи то, что я должен услышать.

– Глория считает, что взяла меня под контроль.

– А как считаешь ты?

– Я отлично провёл время, сэр. – Келли позволил себе улыбку.

– Полагаю, она тоже, – кивнул старый лорд. – Я не вижу причин, которые помешали бы тебе ею заняться: ты молод, она красива, и если Глория считает, что сможет тобой манипулировать – пусть так считает.

– Да, сэр.

– Но помни, что в этом деле мы с ревизорами играем честно и ничего не скрываем. Они решили подстраховаться – ты получил сладенькое. Подвижки в расследовании есть?

– Кажется, я кое-что нащупал.

– Рассказывай.

Банди сообщил, что его люди собрали все генетические образцы, которые оказались в доме, и Келли не видел причин ему не верить. Большая часть, разумеется, принадлежала самому лорду Гамильтону, ещё несколько – его друзьям, их образцы были идентифицированы с помощью закрытой картотеки, в которой хранились данные на представителей высшего сословия. Кровь на полу и стенах, и прочие образцы тканей, в том числе внутренних, оставили воины напавшего на «Инферно» племени. Кроме того, обнаружили следы нескольких человек из Четвёртого департамента и IT корпораций, но не владельцев или топ-менеджеров, а инженеров и разработчиков; побывала в «Инферно» пара профессоров из крупных университетов, эти учёные специализировались на фольклоре; было несколько женщин – сейчас их проверяли. В конце концов, у Банди остался один образец, который поставил криминалиста в тупик.

Об этом Келли рассказал лорду Саймону, а чуть позже – рыжей.

– Как это «невозможно идентифицировать»? – удивилась Глория, когда Келли закончил рассказ.

– А вот так, – пожал плечами Раймонд. – Этот генетический код отсутствует во всех базах, включая закрытые картотеки.

– Ошибка исключена?

– Я передал подозрительные образцы экспертам НРУ, – рассказал Келли. – Скоро у нас будет второй доклад.

Глория ответила быстрым взглядом, но ответ не прокомментировала. Задала вопрос по делу:

– О ком мы говорим?

– Это молодая женщина, примерно тридцати лет, славянка с примесью восточной крови, темноволосая, обладающая хорошим здоровьем. Это всё, что мы о ней пока знаем.

– Она работает или работала в IT, – сказала Глория.

– Почему ты так решила?

– Ты сам сказал, что лорд Гамильтон приглашал к себе лучших специалистов, и генетическая экспертиза это подтверждает.

– Но её нет в базах.

– Теперь нет, – мягко уточнила рыжая.

– Ах, вот что ты имеешь в виду. – Раймонд потёр подбородок. – Но стереть данные из всех архивов можно только с помощью федерального ключа. Да и то не всякого.

– С помощью федерального ключа лорда.

– Мы проверили – ключ Гамильтона не был задействован после его смерти.

– Она могла его модифицировать.

– Она гениальна?

– Ты это исключаешь?

Несколько мгновений Келли размышлял, припомнил, о какой технологии идёт речь, после чего кивнул:

– Не будем исключать.

– Согласна.

– Но если у неё есть модифицированный, то есть, не оставляющий следов, федеральный ключ высшего уровня, нам её не найти.

– Тогда давай вернёмся к началу, – предложила Глория. – Когда наша неизвестная приехала в «Инферно» у неё ещё не было ключа. Как же ей удалось взломать систему безопасности и завладеть разработками Гамильтона?

– Ломать систему лучше всего изнутри.

– Полагаю, лорд Гамильтон внимательно приглядывал за приглашёнными специалистами, – улыбнулась рыжая.

– Но сам он специалистом не был.

– Зато у него, как у любого лорда, была личная нейросеть высшего уровня. Нейросеть по имени Марлоу. Следов которой мы не обнаружили ни в Сети, ни в «Инферно».

– Я понимаю, куда ты клонишь, – пробормотал Келли. – Но нейросети высшего уровня не взламываются.

– Так же, как нельзя взломать систему, которую контролирует нейросеть высшего уровня. Получается, одно из двух…

Предположение Глории было невероятным, фантастическим, если называть вещи своими именами, но с другой стороны, оно давало ответ на все вопросы, которые до сих пор ставили Раймонда в тупик.

– Ты готова поверить в то, что наша неизвестная взломала нейросеть высшего уровня?

– На мой взгляд, это наиболее логичное объяснение случившегося: взломала и перепрограммировала.

– И сейчас Марлоу служит ей?

– Да.

– Получается, в кармане у неизвестной и федеральный ключ, и нейросеть, и то, и другое – высшего уровня. Что мы можем сделать?

– Послать сообщение, – предложила рыжая. Судя по скорости ответа, она продумала его заранее. – Нейросеть высшего уровня невозможно отследить, но им прошивают неудаляемую реакцию на определённые теги – чтобы можно было в любой момент подать сигнал. Мы отправим сообщение с этим тегом, и Марлоу его увидит.

– Но может не ответить.

– Может, – согласилась Глория. – Поэтому нам нужно очень тщательно продумать свой следующий шаг и написать такое сообщение, чтобы Марлоу, а точнее – наша неизвестная, обязательно отозвалась.

– Но даже если она отзовётся, мы не сможем её засечь.

– Я ведь сказала: тщательно продумать следующий шаг, – повторила рыжая. И кажется, в её голосе промелькнуло нечто вроде разочарования. – Раймонд, нам не нужно её засекать, нам нужно с ней встретиться.

* * *

– Долго же они думали, – усмехнулась Шанти, прочитав пересланное Марлоу сообщение.

– Я предупреждала, что их не следует идеализировать, – равнодушно ответила нейросеть. – Все крупные структуры весьма неповоротливы.

– Но Марсианин вышел на нас довольно быстро.

– Марсианин располагал информацией, которая позволила ему выйти на нас. А лорды начали серьёзное расследование лишь после смерти родителей Гамильтона.

– Что у них есть?

– Твой генетический код.

– Который невозможно идентифицировать, – заметила Шанти.

– Но сейчас он во всех базах данных и защищён так, что мы не сможем его ни стереть, ни изменить, – ответила Марлоу. – И если ты где-нибудь засветишься – сразу окажешься под колпаком.

– То есть, нужно избегать проверок генетического кода?

– Да, – подтвердила нейросеть. – Но на самом деле нам нужно разработать план выхода из ситуации, а не способы бегства, поскольку наши ресурсы несравнимы с тем, чем располагают лорды, а значит, рано или поздно нас поймают.

Марлоу сказала «нас», что Шанти весьма обрадовало.

– Что будет, когда нас поймают?

– Тебя убьют.

Тон, которым нейросеть произнесла ответ, не оставлял сомнений в том, что Марлоу абсолютно уверена в своих словах.

– Без вариантов? – вздрогнула девушка.

– Низший не имеет права убивать высшего, таков закон. – Нейросеть, кажется, вздохнула. – Мне очень жаль, Шанти, но лорды кровью не торгуют. Гамильтона не очень-то любили, но он был человеком их круга, а ты – нет. И единственное наказание, которое предусмотрено низшему за убийство лорда – смерть.

– У нас есть уникальная технология, – напомнила девушка.

– Поэтому они готовы с тобой говорить. Давать обещания. Даже держаться с тобой, как с равной. Но как только ты окажешься в их руках – тебя убьют.

– В таком случае, нужно послушать, что они скажут, – поразмыслив, решила Шанти. – Как минимум, получится выиграть время.

– Но только время, – сказала нейросеть. – Ничего более.

– Да, ты говорила.

Девушка надела AV-очки и вошла в «Яркость», в точку, которую указал отправитель сообщения. И оказалась в телефонной будке, одиноко стоящей посреди бескрайней пустыни.

«А у тебя есть чувство юмора…»

И как только Шанти оказалась внутри, телефон зазвонил и девушка сняла трубку.

– Привет. – Слово было произнесено приятным баритоном. Шанти понимала, что в «Яркости» можно синтезировать любой голос, но ей почему-то показалось, что неизвестный

не прикидывается и говорит своим, настоящим.

Очень приятным.

– Привет, – спокойно ответила Шанти.

– Как мне тебя называть?

– Мы ещё не настолько близки, милый. Как мне называть тебя?

– Раймонд Келли.

– Очень приятно, Раймонд. О чём ты хочешь поговорить?

– О том, как всем нам выйти из сложившейся ситуации.

Как ни странно, он использовал точно такой оборот, как и Марлоу.

– Я могу из неё выйти? – уточнила Шанти.

– Да. – Ответ прозвучал невероятно уверенно.

– Как ты это устроишь?

– Я расскажу. Но только при личной встрече.

– Почему не сейчас?

– Потому что примерно через минуту Марлоу вычислит моё местонахождение, определит мою «оболочку» и я окажусь под ударом. – Мужчина стал говорить несколько быстрее. – Я знаю, на что вы способны. Я пришлю Марлоу уникальный тег, обратное сообщение, помеченное этим тегом, увижу только я, ты выбери место и время, я приеду один и мы поговорим. Но не в Сети. Я жду сутки.

– А потом?

– Потом я не смогу тебе помочь. У меня есть окно возможности, но как оно работает, я расскажу при встрече.

В трубке раздались короткие гудки.

Шанти сняла AV-очки, через десять секунд вновь их надела, но в Метавселенную не пошла, включила режим дополненной реальности и посмотрела на Марлоу, которая сейчас выглядела худенькой блондинкой с короткой стрижкой.

– Что скажешь?

– Думаю, мы сможем организовать безопасную встречу.

– Сможем, конечно, но на что мне надеяться? – Шанти хорошо помнила их предыдущий разговор.

– Возможно… подчёркиваю – только возможно, кто-то наверху решил потрясти основы, – медленно ответила Марлоу. – Лорды постоянно грызутся между собой и кто-то, возможно, хочет использовать технологию Гамильтона в личных целях. Или на тебя вышел тот, кто по какой-то причине находится в шаге от вершины, например, неудачно родился – вторым или третьим. Летает высоко, но честолюбие зовёт его ещё выше и требует искать способ оказаться так высоко, как никому и не снилось. Или какой-нибудь старый лорд решил перед смертью

расплатиться с обидчиками… Варианты есть. Но узнать, о чём идёт речь, можно только при встрече.

– Значит, я отправляюсь на встречу, – решительно произнесла Шанти. – А там – будь что будет.

* * *

Тридцать седьмой район агломерации Париж считался совершенно «диким» и потому избытком средств наблюдения не страдал: видеокамеры целенаправленно крушили нанятые бандитами подростки, дроны глушили РЭБ, а муниципальных роботов – в те времена, когда они ещё сюда заезжали – мгновенно разбирали на запчасти. Какое-то время Департамент социального согласия пытался наводить порядок, устраивал карательные рейды, безжалостно вырезая диких обитателей дна – как вооружённых, так и нет – но жизнь в 37-м была такой, что местные без раздумий шли под пули. А поскольку рожали здесь много и ряды бойцов постоянно пополнялись, в какой-то момент муниципальные власти плюнули и 37-ой стал жить сам по себе. Гнойной язвой на теле агломерации.

Не первой, и не последней.

Раймонду в таких помойках бывать доводилось, и хотя без оружия и средств связи он чувствовал себя неуютно, на улицах 37-го Келли держался уверенно. Он хорошо знал, как следует себя вести на самом дне агломераций. Во-первых, не нарываться. Это правило не было универсальным, поскольку здешние обитатели – а разницы между «здешними обитателями» и «бандитами» практически не существовало, – с лёгкостью выдумывали повод для нападения. Или же набрасывались на жертву без всякого повода. Тем не менее – не нарываться. Во-вторых, показывать себя уверенным и крепким, давая понять, что не случайно забрёл в эту помойку, а следовательно, готов ко всему. В-третьих, демонстрировать наличие цели. Что это за цель, никого не касается, но цель важная, возможно, встреча с одним из местных боссов, которому может не понравиться нападение на гостя.

Отсутствие оружия, конечно, смущало, однако вокруг Раймонда шли четыре оперативника, внешне неотличимые от местных, только с лучшим вооружением. В случае проблем, они должны были или прикрыть Келли, или вытащить его в безопасное место – как пойдёт. Оперативники были ребятами опытными и легко растворились в толпе – эта часть тридцать седьмого района оказалась достаточно оживлённой. Мрачной,

но оживлённой. Первые этажи здешних муниципальных небоскрёбов занимали бары, трактиры, бистро и прочие заведения, в которых можно было не только выпить или напиться – по настроению, но и купить наркотики, как разрешённые, так и пока ещё запрещённые, или снять шлюху, чтобы провести с ней время в капсуле этажом выше. Настоящую шлюху, работающую без «оболочки», не скрывающую недостатки сложения или внешности. И как ни странно, такие услуги были востребованы среди пресыщенных искусственной красотой биггеров – они частенько забредали в дешёвые районы в поисках «настоящего». В такие вот заведения… И хотя некоторые из них носили гордое название «ресторан», Келли отказывался думать о них так, поскольку вонь от «натуральной» еды пробивалась даже сквозь фильтры дорогого респиратора.

А ещё по обеим сторонам улицы периодически встречались двадцатифутовые металлические контейнеры. Одни использовались в качестве складов-магазинов, у их распахнутых дверей сидели или стояли продавцы, другие, таких было меньше, стояли закрытые, но не вскрытые и не разворованные – возле них находились вооружённые охранники. Что скрывалось в запертых контейнерах, Раймонд старался не думать и лишь надеялся на то, что внутри того, к которому велели подойти ему, не будет прятаться передвижная мясорубка.

– Отличные башмаки, ливер!

А вот и неприятности…

Келли понимал, что в какой-то момент обязательно услышит подобное замечание и обрадовался тому, что оно прозвучало так поздно – до нужного контейнер оставалось шагов тридцать, не более, и ему обязательно помогут их преодолеть. Что же касается «башмаков», то они и в самом деле были отличными. Правда, не совсем башмаками. Для конспирации Раймонд надел яркое биоразлагаемое тряпьё, которое власти заставляли носить обитателей агломераций, но нижнее бельё на нём было хлопковым, а кроссовки – кожаными, поскольку только в них его ногам было комфортно. Келли надеялся, что обитатели дна не разбираются в качественной обуви, но ошибся. Или не ошибся, просто этот уголовник решил «начать разговор» с «башмаков». А мог бы – с куртки.

– Неужели на ББД купил?

– В лотерею выиграл, – спокойно ответил Раймонд.

– Недавно выиграл? Они кажутся новыми.

– Неделю назад.

– Какой размер?

– Не твой.

– Ничего, я продам. – Уголовник задрал рубашку и показал заткнутый за пояс пистолет. – Ничего личного, ливер, просто срочно нужны наличные.

Келли понимал, что одними кроссовками дело не ограничится: увидев, что добыча не кусается, у него заберут всё, а в финале могут и изнасиловать – здешние обитатели воспринимали толерантность, как невозможность несогласия, но сопровождавшие Раймонда оперативники хорошо знали, что нужно делать для разрешения подобных проблем.

– Билли Рок! – прокричал один из оперативников бандиту, достоверно изображая пьяного и одновременно слегка толкая в сторону Келли. – Билли Рок! Старый ты кусок дерьма! Где пропадал?

– Отвали, придурок, – грубо ответил бандит. – Я тебя не знаю.

Раймонд сделал большой шаг в сторону.

– Эй, ты куда?

– Вот уж не думал, что ты забудешь Маркуса Лиму! Всего два года не виделись!

– Пошёл вон!

Бандит попробовал оттолкнуть «пьяного», но оперативник перехватил его руку и нанёс едва заметный со стороны, но очень болезненный удар по печени.

– Скотина, – выдохнул бандит, сгибаясь пополам.

– Ты что делаешь?! – Приятель неудачливого грабителя попытался наброситься на обидчика, но второй оперативник молниеносно ударил его ножом под рёбра – церемониться с обитателями дна парни из спецотдела не умели, их этому не учили. Но и праздновать победу было рано – ударившему ножом тут же прилетело дубинкой по затылку. Раздался первый выстрел. Кто-то закричал. Кто-то громко выругался. Но Раймонда это не интересовало.

Он добежал до указанного контейнера – его дверь пересекала жёлтая полоса – и прошептал охраннику пароль:

– Дом у дороги.

– Проходи.

Внутри – уходящая вниз лестница, спустившись по которой, Раймонд оказался в узком тёмном коридоре, хотел спросить, есть ли тут кто-нибудь, но почувствовал укол в шею, выдохнул короткое ругательство и мешком повалился на влажный пол.

* * *

Пробуждение получилось спокойным.

Келли открыл глаза, несколько секунд разглядывал грязный потолок – голый бетон, без краски или штукатурки, затем поднялся, отметив, что не связан, уселся на топчане и медленно оглядел большую, полутёмную комнату. Потолки низкие, окон нет, дверь в противоположной стене. Помимо топчана из мебели только стул, на котором сидит черноволосая девушка в обыкновенной одежде ливера. Сидит свободно, забросив ногу на ногу. А чего ей бояться, если позади неё в воздухе висят два боевых дрона? Небольшие, предназначенные для действий в помещениях, но от того не менее смертоносные, чем более крупные собратья.

– Нападение было подстроено? – осведомился Келли, разминая шею.

– В этом не было необходимости: мы бы всё равно не пустили твоих телохранителей в контейнер.

– То есть, я мог погибнуть? – Раймонд вспомнил пистолет за поясом бандита.

– Да.

– Надо было надеть кроссовки попроще.

– Надо было. – Шанти едва заметно улыбнулась – ей нравилось, как держался пленник.

– Сколько я был в отключке?

– Примерно два часа.

– То есть, сейчас никто не знает, где я нахожусь?

– Это было частью плана. – Шанти прищурилась. – И частью договорённости.

– Сама же видела: в такие места глупо соваться без прикрытия.

Девушка запрокинула голову и громко рассмеялась. Потом сказала:

– Ты мне нравишься.

И улыбнулась. Не столь чарующе, как улыбалась Глория, но всё равно приятно.

– Удивляешься, что я не боюсь? – спросил Келли.

– Да.

– Ты согласилась встретиться, чтобы поговорить, зачем тебе меня убивать?

– Ты видел моё лицо.

– Тебя поймают в любом случае, – уверенно ответил Раймонд. – Независимо от того, поменяешь ты лицо или убьёшь меня. Тебя поймают. Ты это понимаешь. Поэтому и согласилась на встречу.

Он действительно так думал. А самое главное – он действительно думал, что ему ничего не грозит. Потому и вёл

себя так: не нагло, но спокойно.

– Почему ты хотел встретиться именно в реале? – поинтересовалась девушка.

– Потому что Сеть – это мир ливеров. Не мой. Это во-первых. – Келли вновь потёр шею – на топчан его уложили в неудобной позе и она до сих пор не пришла в норму. – А во-вторых, в Сети ты ещё опаснее, чем с дронами за спиной. И мне грустно думать, что моё сердце остановит моя же «паутина» – самая современная и невероятно чувствительная «паутина», в которую я вбухал огромные деньги.

– Ты неплохо осведомлён, – обронила Шанти.

– Осведомлён я плохо, – не стал скрывать Раймонд. – Выручают аналитические способности и умение делать правильные выводы.

«Он действительно молодец», – прошептала Марлоу.

– Смерть лорда Анакина и леди Диклы? – спросила девушка.

– Их гибель не могла не привлечь внимания, а уж то, как они умерли, заставило моё руководство насторожиться. Началось расследование…

– Келли, извини, что перебиваю. Но мы проверили тебя по генетическому коду и не нашли никаких данных. Значит ли это, что ты из высшего звена Департамента социального согласия?

– Ты решила меня оскорбить? – искренне удивился Раймонд. – Кстати, ничего, что я на «ты»?

– Ничего, – улыбнулась Шанти. – Но ответь на вопрос.

– Агентство Независимых Аудиторов.

«Твою мать, – прошептала Марлоу. – Так и знала».

– То самое Агентство?

– То самое, – подтвердил Келли. – Неплохо, да?

– Наверное, тебя нужно убить прямо сейчас.

Дроны зажужжали чуть громче. Или же Раймонду так показалось. Однако прежнему тону он не изменил.

– Не удивишься, если я скажу, что против?

– Аргументируй, – попросила девушка.

– Хочу жить.

– Это понятно. – Шанти вновь не удержалась от улыбки. – Аргументируй, почему я не должна тебя убивать?

– Начнём с простого: убьёшь меня – придёт следующий, но я сильно сомневаюсь, что он захочет с тобой говорить. И сколько бы ты нас ни убивала, к тебе будут приходить до тех пор, пока проблема не разрешится тем или иным способом.

– Какая проблема?

– Две проблемы: у нас и у тебя, но они связаны, – объяснил

Раймонд. – Твоя проблема в том, что ты – вне закона и однажды попадёшься. Ты можешь бегать долго, даже целый год, но однажды обязательно попадёшься. И тебя убьют.

– А ваша проблема?

– Багаж, с которым ты бегаешь. Он нам очень интересен.

– Что ты можешь за него предложить?

– Всё, что угодно.

– Неужели?

– Всё, что в нашей власти, – поправился Раймонд. – А может Агентство почти всё.

– Даже сохранить мне жизнь?

– Почему нет? – Ответ прозвучал очень легко, Келли даже сумел добавить в голос нотку удивления: разумеется, тебе сохранят жизнь, проси чего-то большего.

– После всего, что я натворила, плохо верится в такой исход, – вздохнула девушка.

– В твоём положении это нормально, – обаятельно улыбнулся Раймонд.

– Твоя фраза возвращает нас к первому вопросу: почему бы мне тебя не убить как можно скорее?

– Неужели ты настолько кровожадная, что согласилась на встречу только для того, чтобы убить парламентёра?

– Я думала встретить кого-нибудь попроще, а вы сразу прислали дракона.

– Не-не-не… я всего лишь мелкий клерк.

– Которого отправили расследовать убийство трёх выходцев из высшего сословия?

– Ладно – не самый мелкий. – Ещё одна обаятельная улыбка. – Но сохранить жизнь ты действительно можешь, поскольку твой багаж неимоверно интересен необычайно влиятельным людям.

Он выделил голосом слово «неимоверно».

– Объясни, – потребовала девушка.

– Наверху тоже есть кланы… Кстати, я до сих пор не знаю, как к тебе обращаться?

– Шанти.

– Красивое имя… Настоящее?

– Да.

– Очень приятно, Шанти.

– Как мне поможет тот факт, что на вершине пищевой цепочки тоже есть кланы?

– Несчастный лорд Гамильтон и его родители входили в достаточно скандальную группировку, члены которой известны склочным нравом. Их не любят, что, вместе с ценностью багажа,

даёт основания предполагать, что ты сможешь выкрутиться и остаться в живых.

«Насчёт склочности группировки он абсолютно прав. Насчёт второго – не уверена… Оцениваю вероятность в три процента».

– Какие гарантии я получу?

Келли помолчал, а затем неожиданно сменил тему:

– Ты слышала о «городах счастья»?

– Конечно.

– Странно, учитывая, что их не рекламируют в Сети.

– Марлоу рассказала.

– Я должен был сообразить, – покачал головой Раймонд. – И о «золотых» зонах рассказала?

– И о них тоже.

– Прекрасно. – Келли перешёл на деловой тон. – Я хочу, чтобы ты там побывала, Шанти. В «золотую» зону я тебя провести не смогу, но в «город счастья» – да. У меня есть пропуск на двоих. Его подделать невозможно, а вот с тем, чтобы изменить данные моей спутницы на твои, Марлоу наверняка справится.

– То есть, я сама должна оплатить билет на эшафот? – прищурилась девушка.

– Остроумно, – рассмеялся Келли. – Но если ты думаешь, что я рискую жизнью для того, чтобы заманить тебя в ловушку, то ошибаешься. Даже не ошибаешься, а оскорбляешь меня примерно так же, как подозревая в принадлежности к Департаменту социального согласия. При всём уважении, Шанти, коды Гамильтона в твою голову не поместятся. И в коммуникатор, который ты с собой таскаешь, они не влезут. Для их хранения нужно большое железо, вроде того, что лежит в подвале «Инферно», но из «Инферно» ты всё достала – мы проверили. Коды спрятаны и ты не знаешь где – как раз на тот случай, если тебя поймают. А ты и без меня знала, что однажды тебя поймают. Ты далеко не дура. Вот и получается, что захват твоего прекрасного тела не решит ни одной моей проблемы. Мы можем тебя живой на куски распилить – и распилим, если потребуется, но ты не скажешь того, чего не знаешь. А ты не знаешь.

– Коды прятала Марлоу, – подтвердила Шанти. – Я понятия не имею, ни где лежит архив Гамильтона, ни где базируется сама Марлоу.

– Разумно, – одобрил Раймонд. – Поймать тебя можно, трудно, но можно. Поймать освобождённую нейросеть высшего уровня нереально. И возникает вопрос: почему ты отказываешься ехать со мной?

– Потому что не понимаю, для чего ты меня зовёшь в «город счастья», – пожала плечами девушка. – В чём смысл?

– Чтобы ты его увидела, – с неожиданной серьёзностью ответил Келли.

– Это важно?

– Ни одно описание, даже самое эмоциональное, не заменит того, что ты увидишь. Почувствуешь. Только там можно понять, что действительно происходит в этом грёбаном мире: посмотрев на город и пообщавшись с его жителями.

«Раньше я была уверена, что моего рассказа хватит. Но теперь понимаю, что Келли прав – ты должна увидеть город», – неожиданно прошептала Марлоу.

«Это действительно того стоит?»

«Эта поездка тебя изменит».

«Насколько?»

«Сейчас не важно. Важно, что изменит».

– Что она говорит? – полюбопытствовал Раймонд, который прекрасно понял, почему Шанти неожиданно замолчала.

– Отговаривает, – буркнула в ответ девушка.

– А что думаешь ты?

– Я должна всё взвесить.

– И всё это время я буду сидеть взаперти? – Келли вновь огляделся. – В таком случае, хотя бы скажи, где туалет.

– Я не знаю, сколько времени мне понадобится. – Шанти поднялась со стула. – А ты сможешь уйти отсюда через два часа.

– Хорошо. – Раймонд прищурился: – Мой личный тег тебе известен, я буду ждать ответа сутки. Что же касается остального… когда увидишь «город счастья», а главное – почувствуешь его, я сделаю окончательное предложение. Со всеми необходимыми гарантиями. Нам будет о чём поговорить.

– Возможно, будет, – уточнила Шанти, выходя в коридор. – Возможно.

* * *

Мир – это то, что тебя окружает. И если всё вокруг оцифровано, то твой мир – Цифра. А точнее, Сеть, в которой возможно почти всё. В которой ты можешь быть кем угодно. В которой ты способен добиться всего на свете. В которой твои достижения ограничены лишь твоей фантазией.

В которой давно стёрлась грань между «быть» и «казаться».

«Любые „оболочки“ под заказ, – прошелестела реклама. – Наши дизайнеры создадут для вас уникальный образ. Оформите годовую подписку прямо сейчас…»

«Ваш дом скажет о вас больше, чем миллионы слов. Удивите

друзей – пристройте к нему террасу, выходящую на море…»

«Метавселенная „Аполло“ – ваш шаг в Солнечную систему…»

Пользователи смогут почувствовать и перегрузки, и невесомость; своими глазами увидеть Марс, луны Юпитера и пояс астероидов. Не выходя из капсулы. Не снимая AV-очки. Они увидят. И так ли важно, что это всего лишь кажется?

Если есть достаточно крипты, то в навигаторе можно выбрать любую Метавселенную и оказаться где угодно, даже в другой Галактике. А если крипты более чем достаточно, то можно оттуда и не возвращаться, прожив жизнь в путешествиях на космическом корабле, сражаясь с пиратами и чудовищами, наслаждаясь удивительными видами звёзд и чужих планет. И разве можно назвать такое времяпрепровождение игрой или симуляцией? Ведь препровождение времени – главного и невосполнимого ресурса, который у нас есть, это жизнь, которую можно провести там, куда ещё не добралась реальность.

Или там, куда она никогда не доберётся – в мире драконов и магии.

Или на планете, целиком состоящей из океана.

Или…

Иногда Кандинскому казалось, что Сеть – это большой сон. Что стоит проснуться и окажется, что она исчезла – в том виде, в котором существует сейчас, что превратилась в рабочий инструмент для обработки данных и обмена информацией, перестав быть местом жизни, замещающим собой мир. Иногда ему казалось, что Сети не существует, что это он спит и видит кошмар. В такие минуты Кандинский заставлял себя надевать AV-очки и шёл в Метавселенную – не важно в какую – чтобы лично увидеть глобальную имитацию жизни.

Чтобы вспомнить, как он её ненавидит.

* * *

Мир, основанный на правилах, жёстко требует их соблюдения – требует от тех, кого они касаются. Для кого написаны.

Протоколы Экологического Ренессанса гласили, что авиация слишком сильно загрязняет окружающую среду, поэтому появилось правило – ливеры не летают. Хочешь попасть в другую агломерацию – воспользуйся скоростным поездом; нужен другой континент – готовься к долгому путешествию по морю. При этом аэропорты были во всех агломерациях, поскольку время биггеров имеет значение, и именно в аэропорт Келли привёз девушку.

– Полетим на самолёте? – спросила Шанти, с любопытством разглядывая большие пассажирские машины.

– Нет, – покачал головой Раймонд. – Поскольку у нас экскурсия, я выбрал ближайший «город счастья», до которого удобнее добраться на вертолёте.

На быстром и сверхкомфортабельном «Сикорский Альбатрос», идеально подходящим для путешествий на короткие, до тысячи километров, расстояния. И хотя в салоне стояло восемь роскошных кресел, они оказались единственными пассажирами.

– Хорошо, что без попутчиков, – улыбнулся Келли, принимая у стюардессы стакан с виски – Шанти выбрала белое вино. – Но, признаться, я этому обстоятельству удивлён, поскольку в это время года в Норвегии необычайно хорошо. Зелень, скалы, море… доводилось бывать?

– Нет, – тихо ответила девушка.

Стюардесса вышла и они остались в салоне одни.

– Уверен, тебе понравится. «Города счастья» строят в разных местах, ведь вкусы у людей отличаются. Есть поселения у тёплых морей; есть рядом с прекрасными старинными городами, по которым можно бродить неделями; есть восхитительные оазисы в пустыне; есть, расположенные в непроходимых джунглях.

– А «золотые зоны»?

– Это территории лордов. Собственно, вся планета – это земли лордов, но «золотые зоны» – их частные владения, туда пропусков нет, только по личным приглашениям.

– «Инферно» – это «золотая зона»?

– Да. И все земли вокруг, включая те, по которым кочуют племена, принадлежат лорду Гамильтону. Точнее, его семье.

– Как называется город, в который мы летим?

– Норвежский лес.

– То есть, старое название не сохранилось?

– Старого названия не было – этот «город счастья» построен с нуля.

– Почему?

– Потому что архитектура Северной Европы столь же примитивна, как её кухня. Старые постройки сугубо утилитарны, никакой изысканности, зато природа хорошая. Вот и было принято решение возвести новый, красивый город.

В пятидесяти километрах от аэропорта, который был оборудован для приёма самолётов любого размера, включая сверхбольшие, но работал с «Альбатросами» и бизнес-джетами. В аэропорту путешественники пересели в ярко-синий кабриолет и отправились дальше по неширокой, в две полосы, идеально

ровной дороге, пролегающей через скалистые горы.

– Забыл тебя предупредить – в «городах счастья» к Сети можно подключиться только по проводам, – рассказал Раймонд. – А в качестве средств связи используются исключительно мобильные телефоны.

– Почему? – удивилась Шанти.

– Потому что здесь настоящий мир, в котором Сеть занимает положенное ей место – удобного инструмента.

– Чем же люди здесь занимаются?

– Кто-то прожигает жизнь, наслаждаясь красотами природы, а когда они надоедают – переезжает в другой город. Кто-то работает…

– Кто-то из них работает? – мрачно пошутила девушка.

– В каждом «городе счастья» есть научные центры. Норвежский Лес известен психиатрами. Но в городе можно встретить учёных разных направлений – они приезжают в него подумать, поработать в тишине.

– Кто же им оплачивает такую жизнь?

– В «городах счастья» ты встретишь только тех людей, которые другой жизни не знают, – ответил, после короткой паузы, Раймонд.

– Понятно. – Шанти отвернулась, помолчала, после чего спросила: – А школы здесь есть?

– Школы – конечно, а университеты занимают отдельные «города счастья», чтобы молодёжь могла спокойно проводить время в кругу сверстников.

– То есть, за пределами агломераций выстроен Эдем?

– Только ворота закрыты наглухо. Низшему сословию вход в рай заказан.

Можно, конечно, проникнуть в качестве обслуги: уборщика, горничной, официанта… получить в качестве бонуса возможность жить в роскошных, по сравнению с ливерами, условиях, но ни один официант не сможет сесть за барную стойку в заведении для высших и сделать заказ. Даже если переоденется.

Ворота закрыты наглухо.

А вот ворота уютного отеля «Мураками» приветливо распахнулись перед кабриолетом, и Раймонд уверенно подвёл мобиль к белоснежному бунгало, возле которого выстроилось несколько человек.

– Мы рады приветствовать вас, мистер Келли, – с поклоном поприветствовал гостя управляющий. Он единственный из встречающих не носил униформу. – Спасибо, что снова выбрали наш отель и наш город.

– Мне здесь нравится. – Раймонд бросил ключи от мобиля

служителю и повернулся к Шанти: – Как тебе вид, дорогая?

– Потрясающий.

– Я знал, что тебе понравится.

Все бунгало «Мураками» стояли на высоком скалистом берегу, с которого просматривался и фьорд, и лежащее за ним море.

– Я предупреждал, что мы приедем налегке и будем одеты… не совсем правильно, – напомнил Келли.

– Всё подготовлено, сэр. – Управляющий вновь поклонился. – Как только вам станет угодно, сотрудники принесут вещи, чтобы вы смогли выбрать подходящие.

– Не будем затягивать, – решил Раймонд. – Нам будет угодно сразу после ванны – с дороги необходимо освежиться.

– Конечно, сэр.

Шанти оставалось лишь молчать. А потом, когда она вышла из настоящей ванны, завернувшись в настоящий халат, ей пришлось выбирать одежду, которая оказалась точно её размера: для прогулок, для ужина, для торжественного ужина, для похода в бассейн. Сама девушка вряд ли справилась бы, но вместе с горничной пришла «помощница по стилю», которая подсказала Шанти, на чём следует остановить выбор.

А потом они отправились ужинать в «чудесный рыбный ресторан», как охарактеризовал его Раймонд: «Поверь, они виртуозно готовят треску!» И не обманул – Шанти показалось, что она никогда не ела ничего вкуснее. Запивая восхитительную рыбу настоящим белым вином, к которому стала привыкать. К настоящему. После ужина прогулялись по набережной, неспешно, под мелодии настоящего духового оркестра. Келли показал девушке пару несложных па, и они даже станцевали… Совсем немного. Скорее, обозначили танец, но Шанти поймала себя на мысли, что ей нравится. Пусть даже при этом немного кружится голова – то ли от танца, то ли от вина, то ли от объятий. Пусть. Потому что всё по-настоящему.

И обратная дорога в отель.

И странная мысль: «Что дальше?»

Дальше…

Подъезжая к «Мураками», Шанти замолчала, потому что не знала, как продолжить разговор.

Был ли Келли привлекателен? Да, очень. Крепкий, подтянутый, уверенный, остроумный и при этом – явно смелый. Притягивающий. Или притягательный? Был ли он хорош в постели? Не узнаешь, пока не попробуешь. Хочет ли она попробовать? А вот на этот вопрос у девушки ответа не было. С одной стороны, она уже несколько месяцев была одна

и организм намекал, что не против приятного секса без обязательств. С другой… Шанти не чувствовала, что хочет притягательного Келли.

Ей нужен другой мужчина.

Тот, которого она хочет убить.

Тот, которого она хочет любить.

Мужчина, чьи прикосновения вызывали восторг даже при мысли о них…

Молчание затянулось, но опытному Раймонду не нужно было ничего объяснять.

– Мы считаемся мужем и женой, но многие счастливые пары моего круга предпочитают проводить ночи в разных комнатах. У нас две спальни, дорогая, и, если я правильно понимаю, ты уже выбрала западную.

– Да, милый.

– В таком случае, спокойной ночи.

– Увидимся утром.

* * *

Города всегда были переполнены крысами. Начиная с самых первых, примитивных, которые сейчас и поселениями бы не назвали: сначала в них поселились люди, а следующими пришли крысы. Умные грызуны быстро смекнули, что люди не только оставляют после себя огромное количество съедобных отходов, но и делают запасы, которые тоже можно разорять, избавляя себя от голода. В конце концов, можно есть самих людей. Крысы поняли, что города являются идеальными охотничьими угодьями и поселись в них навсегда.

Люди считали их врагами – и это было так.

Люди старались их истребить – у них не получалось.

И люди смирились с тем, что крысы – это навсегда.

Города становились всё больше, но места в них хватало для всех. Города превратились в мегаполисы, но крысы об этом не узнали, ведь крысы не умеют считать и потому не знали, что стай стало очень много. Затем возникли гигантские агломерации, но крысы и на этот факт не обратили внимания. Сначала. Впрочем, потом тоже, ведь крысы не умеют считать и потому не знали, что стай становится всё меньше и меньше. И не потому что они вымирали от каких-то болезней. Не потому что их стали травить более эффективными ядами. Их съедали. Миллиарды жителей агломераций перешли на растительную пищу: «куриное филе», «свиные вырезки», «говяжьи котлеты» в бургерах и «настоящие» стейки – все они начинали свой путь к столу на грядках. И постепенно ливеры стали ощущать недостаток животного белка, а восполнить его можно было двумя способами: покупать настоящее мясо за невероятно большие деньги или покупать мясо на рынках, не спрашивая, и даже не думая, из чего состоит фарш. Главное, в нём есть настоящий белок. И популяция крыс стала стремительно снижаться, несмотря на их удивительную способность к размножению.

Тысячи лет люди боролись с грызунами, а победили их самым естественным путём.

– Бургер?

Жарящиеся котлеты громко шипят, булочка раскрыта, рядом пластиковая бутыль с соусом. Аромат, конечно, так себе, но почему нет?

Кандинский перевёл нужную сумму, получил то, что на вывеске называлось «настоящей едой», и впился в бутерброд зубами.

– Может, пива? – поинтересовался продавец.

– Обойдусь, – невнятно ответил Кандинский.

Бургер был обильно сдобрен острым соусом, однако даже он, переполненный химическими вкусовыми добавками, не смог полностью заглушить оригинальный привкус крысиного мяса, напоминающий о сырых подвалах, вонючих помойках, сточных канавах и прочих местах, в которых городские грызуны добывали себе пропитание. Привкус агломерации.

Кандинский мог позволить себе любую пищу – и позволял, но иногда он спускался на дно жилых секторов и ел бургеры с крысиными котлетами. Чтобы не забывать, как сильно он ненавидит этот мир.

* * *

Они действительно увиделись лишь утром следующего дня, который стал чудесным продолжением дня предыдущего…

Проснуться в удобной кровати. Не потому что зазвонил будильник, а потому что выспалась. Раздвинуть шторы и увидеть море. Искупаться в бассейне. Принять ванну, вдыхая и впитывая ароматы лучшей парфюмерии. Позавтракать за стоящим на траве столиком. Побродить по горам, любуясь потрясающими видами и наслаждаясь чудесной погодой. Вернуться в отель, но только для того, чтобы принять душ, переодеться, сесть в кабриолет и поехать в город, который сегодня Шанти осмотрела со всем вниманием: небольшой, очень чистый; современный, но красивый; продуманный и тщательно выстроенный. Город, предназначенный для того, что называется жизнью.

Много зелени, цветущих растений, свежий ветер с моря, приветливые люди вокруг… Здесь все друг друга знают, но новенькие не вызывают надоедливого интереса: здесь все свои, поэтому люди ведут себя вежливо; сюда нет хода низшим, поэтому люди относятся друг к другу с уважением. Здесь царит гармония, в которой прячется счастье.

Настоящий мир.

Побродив по городу, почувствовали голод, зашли пообедать в ближайший ресторан, а затем устроились на травке в парке. Под тенью деревьев. Просто поваляться, болтая и наслаждаясь хорошим днём. И здесь, в парке, к ним присоединился мужчина лет тридцати, разумеется, спросив дозволения.

– Меня зовут Мэттью, – сообщил он, получив разрешение и устроившись на траве рядом с Келли.

– Очень приятно, Раймонд. А это моя супруга Шанти.

– Очень приятно. Вы прекрасно выглядите, Шанти.

– Спасибо.

– И очаровательно смущаетесь.

– Я не часто слышу комплименты.

Мэттью посмотрел на Келли:

– Раймонд, это, конечно, не моё дело, но так быть не должно – ваша супруга заслуживает бесконечного числа самых изысканных комплиментов.

– Я стараюсь изо всех сил, но женщинам всегда мало, – пошутил в ответ Келли.

Они рассмеялись, после чего Мэттью поинтересовался:

– Простите, если ошибаюсь, но ведь вы не живёте в нашем милом захолустье?

– Я периодически наведываюсь, – ответил Келли.

– Нравится тут?

– Нравится бывать.

– Понимаю, здешний климат может показаться суровым, но мне он идеально подходит. – Мэттью помолчал. – Надолго на этот раз?

– К сожалению, всего на пару дней: мы едем в отпуск на острова и заскочили проведать друзей.

– Тогда почему вы не с ними?

– Вечером будем с ними.

– Значит, мне повезло составить вам компанию днём.

– Мы с женой обожаем новые знакомства.

Шанти улыбнулась, поддержав «мужа», но вновь решила промолчать. Не потому что ей нечего было сказать или девушка боялась «сморозить что-то не то», просто она хотела больше слушать, смотреть, впитывать – чтобы почувствовать и город, и его обитателей.

– Чем занимаетесь, Раймонд?

– Работаю в сфере аудита.

– Здесь или контролируете балласт?

– Контролирую балласт.

– Трудно, должно быть, приходится?

– Главное, у меня получается.

– Приятно, что вам нравится то, чем вы занимаетесь.

– Иначе бы я этим не занимался.

– К счастью, каждый из нас может сказать тоже самое.

Что делает Шанти и есть ли у неё работа, Мэттью не поинтересовался, как поняла девушка, подразумевалось, что ничем.

– Могу я узнать, какой род деятельности пришёлся по душе вам? – продолжил светский трёп Раймонд.

– Один из самых романтичных.

– Интересно будет узнать.

– Космос, – ответил Мэттью.

– Фундаментальные исследования?

– Прикладная наука. Так совпало, что у меня есть склонность к инженерии и детская мечта посмотреть на Солнце с орбиты Венеры…

– Почему не с орбиты Марса, Мэттью? – к ним подсел ещё один мужчина. – Вы не против, если я присоединюсь?

– Ни в коем случае, – дружелюбно отозвался Келли.

– Смотреть на Солнце с Венеры интереснее – вторая планета много ближе, – ответил Мэттью, и чуть повысил голос: – Господа, позвольте представить моего хорошего друга Калеба Ясмина.

– Очень приятно.

– Вижу, старина Мэттью нашёл благодарных слушателей, – рассмеялся Калеб, пожимая руку Келли.

– Раймонд и Шанти проездом в нашем милом городе.

– И ты сразу решил увлечь их лекцией о космосе?

– Я только начал.

– Не слушайте этого мечтателя. Мэттью не понимает, что его исследования возможны лишь после того, как я завершу свои.

Сначала Шанти подумала, что к ним подсел прожигатель жизни – весёлый тон и манера поведения говорили именно об этом, однако последняя фраза Калеба показала, что это не совсем так. Или совсем не так.

– Старина Мэттью упорно трудится, но его усилия по созданию прорывного космического двигателя будут абсолютно бесполезны до тех пор, пока мы не откроем новый источник энергии.

– Фундаментальная наука? – уточнил Келли.

– Совершенно верно, – подтвердил Ясмин. – Энергетика.

– Твои исследования в тупике, Калеб, а мой прототип успешно прошёл испытания на орбите и через полгода потащит на Луну грузовой корабль, который сейчас строится именно под мой двигатель.

– Но с какой скоростью потащит, Мэттью? Луну ты нам обеспечишь, но ведь грезишь ты орбитой Венеры!

– Простите мою неосведомлённость… вы тот самый Мэттью Бекович?

– Да. – Ответ прозвучал коротко, без чванства. Здесь ведь все свои и Мэттью понимал, что случайный знакомый тоже может оказаться знаменитостью или просто, много чего добившимся человеком.

– Позвольте пожать вам руку, – с чувством произнёс

Раймонд. – Я читал о ваших достижениях.

Читал… а Шанти – нет. Потому что эти исследования шли за пределами агломераций.

– Академия сделала ставку на мой проект. – В голосе Мэттью послышались горделивые нотки. – Мой двигатель станет основой будущего космического флота.

– Первой версии нашего космического флота, – не удержался от подначки Калеб.

– Быть первым наиболее почётно.

– С этим не поспоришь…

Разговор затянулся. Валяясь на травке, смеясь и подшучивая друг на другом, они успели обсудить будущее космической экспансии, вероятное развитие энергетики, морские исследования и даже новые археологические раскопки в египетской пустыне.

«Каир, конечно, здорово мешает, но эта агломерация застряла там надолго…»

Затем учёные предложили вместе поужинать, чтобы не прерывать «интересную дискуссию», но Раймонд напомнил о вымышленных друзьях и они расстались, чрезвычайно довольные друг другом.

Келли и Шанти вернулись в отель, поплавали в бассейне, затем переоделись к ужину, но в город решили не ехать, а насладиться едой в ресторане отеля. И не прогадали: кухня оказалась прекрасной. Свежий салат, нежнейший стейк, красное вино, десерт. За едой болтали о ерунде, но к концу ужина Шанти стала несколько рассеянной, явно готовясь к серьёзному разговору, который состоялся на террасе бунгало – под дижестив и закат над морем.

Вопросов у девушки накопилось много, однако она – неожиданно для себя самой – решила начать с этого:

– О каком балласте говорил Мэттью?

– Ты действительно не поняла? – Раймонд мягко улыбнулся.

– Я хочу услышать это от тебя.

– Балластом в нашем кругу называют ливеров.

– А Мэттью из высшего сословия?

– Так же, как и я. Я – второй ребёнок, он – третий, и титулы нам не светят. Мы получили превосходное образование, кое-какие средства, но всего остального должны добиваться сами. Таков закон. Можно прожигать жизнь, поскольку «кое-каких» средств хватит до конца дней. А если не хватит – подкинут. А можно добиться чего-то такого, что принесёт наследуемый титул. Это очень трудно, но вероятность есть. Поэтому «города счастья» часто называют «городами честолюбцев». Хотя, если честно, прожигателей жизни здесь много больше.

– Они в самом деле ведут научные исследования?

– Эти двое?

– Про них я поняла… – Шанти поморщилась, обвинив себя в корявой фразе. – Наука развивается?

– Да, – кивнул Келли. – Мировую фундаментальную науку контролирует Академия, а финансируют все корпорации. В распоряжении учёных идеальные лаборатории и суперкомпьютеры. Работы идут, однако прорывов мало.

– Почему?

– На мой взгляд, потому что мало мозгов.

– В смысле? – изумилась девушка.

– В прямом: количественно мало, – объяснил Раймонд. – Не зря ведь существует понятие «талантливый учёный». Так же, как талантливый писатель, композитор, художник, скульптор… Кто угодно, включая талантливых военных и управленцев. Человека можно обучить, дать ему блестящее образование и сделать великолепным ремесленником. Но где вероятность, что он посмотрит на свою работу с неожиданной стороны? Найдёт нечто новое? Прорывное? Раньше появление талантливых людей достигалось просеиванием большого числа соискателей: образование получали многие и среди них, по теории вероятности, оказывалось много талантливых учёных в самых разных областях. И ведь не угадаешь, где они появятся на свет: в Китае, России, Италии… Ты – яркий тому пример. Ты родилась на помойке, но благодаря несомненному таланту смогла вырваться и многого добиться. И так было всегда: одни поднимались легко, другие продирались через препоны, но талант тащил их наверх, они вносили свой вклад в науку и двигали цивилизацию вперёд. Сейчас же количество людей, которые хотя бы понимают о чём говорят Калеб и Мэттью, снизилось до числа обитателей «городов счастья» и районов биггеров в агломерациях. Выборка уменьшилась, что сразу же сказалось на результате. Калеб прав – пока не будет нового источника энергии, занятия Мэттью – это пародия на то, что нам нужно для освоения космоса, но Мэттью строит свой двигатель, а Академия его спонсирует, потому что ничего другого нет. Мы оказались на том этапе, когда гигантские возможности ничего не дают. Вода уходит в песок. – Келли посмотрел Шанти в глаза: – Но они не хотят об этом говорить. Такие, как Калеб и Мэттью увлечены своими игрушками и надеются чего-то добиться. Лорды понимают, что цивилизация буксует, но не собираются ничего менять. Они потратили массу времени и сил, чтобы заполучить власть над планетой, и обратной дороги не будет. – Пауза. – Вероятность следующего научного прорыва есть, но она низкая.

– И какой ты видишь выход?

– Почему ты думаешь, что я вижу выход?

– Потому что иначе ты не стал бы об этом говорить.

Раймонд поднял бокал, салютом показав девушке, что она права, сделал глоток и продолжил:

– Я хочу пнуть этот мир, Шанти. Но не агломерации, которые пинают все, кому не лень, а лордов. В «городах счастья» нет Сети, они оберегают себя от неё, но могущество лордов зиждется именно на Цифре. С помощью технологии Гамильтона, с которой они не знают, как бороться, можно атаковать фундамент мировой Сети, а без неё встанут промышленность, добыча, сельское хозяйство… другими словами – всё.

– Мир погрузится в хаос.

– А тебе нравится нынешний порядок?

Шанти вздрогнула, но нашла ответ:

– Люди живут.

– Выживают.

– Всегда так было.

Эту реплику Раймонд оставил без внимания.

– Кроме того, количество ливеров целенаправленно снижается. Постепенно, но неуклонно. Знаешь, какова сейчас численность населения планеты?

– Двенадцать миллиардов.

– Восемь с половиной.

– Что?

– Восемь с половиной миллиардов человек.

– Но все говорят…

– Все говорят то, что им велено говорить. А велено говорить то, что нужно лордам. А лордам выгодно держать ливеров взаперти, где они находятся под полным контролем и потребляют «разумный» минимум ресурсов. Оставшиеся агломерации занимают всего четыре процента суши, причём выстроены они на бесплодных землях. Как в них с экологией, качественной пищей и чистой водой я тебе рассказывать не стану – без меня знаешь. Всё это приводит к болезням. Люди умирают, а им рассказывают, что их слишком много. Им запрещают покидать агломерации, да они и не могут, потому что не приспособлены жить на земле. Они сидят в бетонных концлагерях… и постепенно вымирают. И не знают о «городах счастья», о том, что гигантские просторы уже очищены, что наступил Экологический Ренессанс, и понятия не имеют, что все эти просторы принадлежат лордам. Земля поделена между теми, кто наслаждается жизнью. Между людьми, которые контролируют ливеров. А иногда, со скуки, устраивают террористические акты. Ты ведь знаешь, что все –

все! – известные террористы – выходцы из благородных семей? Они ни с чем не борются, не выдвигают никаких требований, они просто убивают. Развлекаются. И россказни об их неуловимости – это маркетинг для ливеров. Я знаю каждого из всех известных террористов.

– Общаетесь? – угрюмо спросила девушка. – Выпиваете иногда?

– Я – нет. Но знаю, кто общается.

Здесь не было Сети и не было Марлоу, которая могла подсказать нужные слова, подтвердить или опровергнуть заявления Келли, но Шанти чувствовала, что он не лжёт. Всё, что он сказал – правда.

Ужасная.

Ужасающая.

– Это всё очень… неожиданно, – выдавила, наконец, девушка.

– Понимаю твоё состояние, – ответил Раймонд, вновь берясь за бокал.

– Ты не боишься об этом говорить?

– Здесь нас не слушают.

– Почему?

– Потому что высшее сословие имеет право на частную жизнь. И это право уважают.

Они вновь помолчали.

– У тебя есть план? – спросила Шанти. – Ты уже придумал, как хочешь распорядиться технологией Гамильтона?

– Мы пока не настолько близки, чтобы я начал откровенничать, – улыбнулся Келли. – Некоторое время назад я сказал: ты должна увидеть «город счастья», а затем кое-что услышишь. Ты увидела и услышала. Надеюсь, ты не разочарована ни первым, ни вторым. Теперь я скажу так: прими решение. И тогда ты узнаешь кое-что ещё.

– И опять не разочаруюсь?

– Возможно.

– А что будет, если я отдам технологию лордам?

– Я получу дворянство. Настоящее. Наследуемое. И войду в элиту. – Келли посмотрел на девушку через бокал. – А тебя убьют.

– За то, что я убила лорда Гамильтона и его родителей?

– Такие вещи не прощаются, Шанти. Никаких компромиссов.

Девушка замолчала. А Раймонд поднялся и серьёзно произнёс:

– Я понимаю, тебе нужно подумать. Очень хорошо подумать над следующим шагом, потому что на кону твоя жизнь. Сделаем так, милая жёнушка: сегодня я отправлюсь к друзьям, у меня

будет бурная ночь, вернусь завтра в середине дня. Потрать это время с толком.

– А что будет потом?

– Потом мы уедем. – Келли улыбнулся: – Отпуск закончился.

Он сделал шаг прочь, но остановился, услышав вопрос:

– Ты уверен, что у тебя получится?

– Конечно, нет, но я хотя бы попытаюсь.

– Почему?

Раймонд выдержал короткую паузу и, не глядя на Шанти, ответил:

– Потому что кто-то должен попытаться.

* * *

Кандинский терпеть не мог название «Машинный зал» – по отношению именно к этим помещениям. Возможно, это было связано с тем, что первым в его жизни машинным залом стала рабочая зона океанского лайнера, в которую его отвёл отец – показать, где рождается ход гигантского судна. Увиденное произвело на десятилетнего мальчика неизгладимое впечатление и до сих пор, услышав сочетание «Машинный зал», Кандинский представлял механические внутренности лайнера, а не бесконечные шкафы с электронной аппаратурой.

Разумеется, это тоже были машины. Разумеется, эти помещения имели право так именоваться. Кандинский понимал, что их так называли, называют и будут называть, но всегда при этом морщился.

И когда к нему подошёл Бадн – начальник оккупировавших машинный зал программистов, кисло спросил:

– Как дела?

– Всё хорошо, босс, – жизнерадостно ответил Бадн. – Мы полностью контролируем внутреннюю сеть и порталы во все Мультивселенные. Загрузили наши приложения, протестировали, убедились, что они готовы к запуску. Теперь нужны боты, о которых вы говорили. Мы запрограммируем их на наши воздействия, отправим в Сеть, подождём, когда уровень распространения достигнет заданных параметров – и можно начинать. – Бадн помолчал, после чего добавил: – Если, конечно, этот фантастический замысел вообще реализуем.

Он знал о технологии Гамильтона, но до сих пор не верил в её существование. Он должен был убедиться.

– Реализуем, – пообещал Кандинский. – Сколько времени потребуется на перепрограммирование ботов и насыщения ими

Сети?

– В сумме часов десять.

– Хорошо. – Кандинский ещё раз оглядел набитый электроникой подвал и повторил: – Хорошо…

* * *

– Жаль уезжать?

Келли задал вопрос в идеальный момент: девушка уже несколько минут стояла на скалистом берегу, не отрывая взгляд от фьорда и, по всей видимости, прощаясь с ним. И с ним, и с норвежским побережьем. Возможно, прощалась навсегда. Пугать её Раймонд не хотел, но и специально топать ногами не стал: подошёл почти бесшумно, а вопрос задал мягким, негромким голосом. Впрочем, Шанти слышала приближение мужчины, поэтому не вздрогнула и ответила почти сразу:

– Сказка не может длиться вечно.

– Ливеры верят, что может, – хмыкнул Келли. В следующее мгновение понял, что ляпнул не то, но слово не воробей, вылетело – не поймаешь.

Девушку покоробило замечание Раймонда, однако виду она не подала и ровным голосом попросила:

– Пожалуйста, не надо так говорить. Я понимаю, что ты имеешь на это полное право, но, пожалуйста, не нужно.

– Прости. – Келли встал рядом и тоже посмотрел на фьорд. – Я не хотел, чтобы прозвучало издёвкой. Просто напомнил, что они искренне верят в свою сказку.

– Не в свою, – заметила Шанти. – В ту, которую им навязали.

«Им предложили – они взяли».

Однако произносить эти слова вслух Раймонд не стал, достаточно уже сказал. Выдержал короткую паузу, вздохнул, показав, что ему тоже грустно, и негромко произнёс:

– Пора.

Вещи пришлось оставить, но Шанти о них не жалела – в реальной жизни девушки им не было места. Лишь прихватила на память тончайший шёлковый шарфик. Невесомый и яркий. Как дни в «городе счастья». И абсолютно чуждый агломерациям. Как «города счастья».

По дороге в аэропорт опять молчали. Шанти не хотела первой поднимать тему, Раймонд выжидал. Молча подъехали к вертолёту – попутчиков опять не оказалось – молча заняли места в креслах, молча выпили, девушка опять выбрала белое, и лишь потом спросила:

– Что теперь?

– Теперь я верну тебя туда, откуда взял, – спокойно ответил Келли. – Как обещал. И объяснял почему так будет. Когда примешь решение – напиши сообщение. Мой тег ты знаешь. Но помни: время работает против тебя. Тебя ищут все службы безопасности мира, Шанти, и остановить этот процесс не в моей власти. Если тебя отыщут раньше, чем мне ты ответишь, я не смогу помочь.

– А что изменится, если я скажу «Да»? – тихо спросила девушка.

Это вино ей не понравилось – оно оказалось слегка газированным и кисловатым.

– Если ты скажешь «Да», случится такая заваруха, что всем службам безопасности планеты станет не до тебя. А может, они вообще исчезнут.

– Если я скажу «Да», начнётся хаос?

– Из которого родится новый порядок.

– Родится ли?

– Обязательно родится, – убеждённо ответил Раймонд. – Порядок всегда приходит из Хаоса, а потом постепенно погружается в него. Какой бы прочной и продуманной ни была система, рано или поздно она начнёт деградировать. Таков закон и невозможно остановить бесконечное движение колеса времени: Хаос – становление Порядка – Порядок – деградация – Хаос.

– И сколько продлится Хаос?

– Если он будет искусственным, то недолго.

– А сколько жизней он унесёт?

– Много меньше, чем в случае, когда Хаос возникнет по закону, а не нашему желанию.

Ответить Шанти не успела: вертолёт, стремительно летящий под облаками, неожиданно вильнул влево, сменив курс и, кажется, начал снижаться… но в следующий миг вновь принялся набирать высоту. Только очень резко.

– Что происходит?

– Пока не знаю. – Келли выругался – во время резкого манёвра, он разлил на брюки виски – и крикнул: – Пилот!

Роскошный «Сапсан» был полностью автоматизирован и мог самостоятельно совершать полёты на любые расстояния, но холодное железо, послушно выполняющее любые приказы представителя высшего сословия, совсем не тоже самое, что послушный человек, исполняющий любые прихоти представителя высшего сословия. Помимо стюардессы на борту присутствовал пилот, готовый взять на себя управление в случае возникновения нештатной ситуации и Раймонд решил, что его время пришло.

– Что случилось?

– Нас атаковали, сэр!

– По нам что, стреляют? – изумился Келли.

Изумился настолько искренне и с такой непосредственностью, что Шанти, которая сжалась в комочек, услышав ответ пилота, против воли улыбнулась.

– Нет, сэр! Нас взломали!

– Переходишь на ручное управление?

– Пытаюсь, сэр.

– Что значит «пытаешься»?

– Мне мешают.

Вертолёт тряхнуло. Стюардесса взвизгнула. Пилот выругался. Раймонд последовал его примеру, после чего откинул крышку подлокотника и надавил на одну из кнопок. Дверь, отделяющая кабину с пилотом и стюардессой от салона, закрылась.

Шанти вопросительно подняла брови.

– Пассажирский салон является комфортабельной спасательной капсулой. Мы выживем, даже упав с высоты два километра – если не раскроются парашюты, нас спасёт гель, который за несколько секунд заполнит салон, – объяснил Келли, ухитрившись улыбнуться. – Но я бы советовал пристегнуться.

Двигатели взвыли. Девушка торопливо исполнила приказ Раймонда.

– Теперь нам остаётся только ждать и надеяться.

– А как же пилот? – Шанти вдруг поняла, что в случае катастрофы гарантировано спасутся только они. – Ты не рано закрыл дверь?

– Пилот делает свою работу.

Вертолёт снова тряхнуло, а затем повело вправо. И, кажется, вниз. Шанти вцепилась в подлокотники и закрыла глаза.

– Мы падаем?

– По ощущениям – да. – Келли держался с невероятным спокойствием: голос не дрожал, как и палец, которым он указал на монитор. – Но глобальная система авиасообщений показывает, что мы спокойно продолжаем путь.

– Что это значит?

– Это значит, что атака тщательно продумана людьми, которые имеют такие же высокие права в Сети, как и я. Или меня валят свои, или ревизоры.

– Из-за меня? – тихо спросила Шанти.

В ответ – белозубая улыбка. И продолжение объяснений:

– Они отключили транспондеры, опустили машину ниже радаров и увели с курса. Мы идём над дикими территориями и никто не будет знать, где нас искать.

– Такое возможно?

– Я ведь сказал: это делают люди, имеющие такие же высокие права в Сети, как и я.

Вертолёт затрясло.

– Надень. – Келли протянул девушке капу. – Надень и молись.

Потому что тряска усилилась и вертолёт резко пошёл вниз. Шанти выглянула в иллюминатор, сопоставила скорость машины с расстоянием до земли и поняла, что посадка будет жёсткой.

Очень жёсткой.

Даже сквозь звуконепроницаемые стены капсулы девушка слышала рёв двигателей – то ли пилот сумел пробиться к ручному управлению, то ли заработали системы предотвращения катастрофы, но как бы там ни было, всё это произошло слишком поздно.

Последовал удар и Шанти погрузилась во тьму.

* * *

Нырнула в мрак беспамятства в жутком страхе, не веря, что выберется, и так же – в страхе, с криком – из него вынырнула.

– Нет!

В памяти только жуткий, натужный вой двигателей, ощущение падения и ужас…

– Нет! Нет! Нет!

И лишь затем пришло понимание, что она не сидит в удобнейшем кресле, а лежит. И не на полу пассажирского салона. И не на земле. А на кровати. На очень удобной кровати.

«Я жива?»

Странная мысль, ведь раз открыла глаза, значит, скорее всего, жива.

«А как я жива?»

Кажется, хорошо жива, оставшись после крушения вертолёта в целости и почти в сохранности: Шанти быстро оглядела обе руки, тело, ощупала ноги, голову и обнаружила лишь пластырь на лбу – единственный след оказанной медицинской помощи.

«Повезло! Я жива! И даже цела».

И только теперь возник следующий естественный вопрос:

«Где я?»

Ответ пришёл мгновенно, стоило девушке повнимательнее оглядеть помещение, в котором она оказалась. И ответ заставил её вскрикнуть:

– Не может быть!

Большая, но изрядно запущенная комната. Бежевые стены

местами грязные, местами потрескались, а кое-где штукатурка и вовсе отвалилась, обнажив кирпичную кладку. Лепнина под потолком и вокруг люстры сохранилась далеко не везде. В люстре – бронзовой, покрытой паутиной, горит всего одна лампочка. В углу притулилось пианино со сломанной крышкой, из-под которой виднелись пожелтевшие клавиши, некоторые – безнадёжно запавшие. В другом углу шкаф с перекошенной дверцей, а рядом с ним – продавленное кресло. И две картины на стенах. Одна – абсолютно выцветшая, над изголовьем кровати, её Шанти не увидела, но знала, что она там. Потому что напротив висел портрет незнакомки в чёрном платье, кажется, XIX века. Женщина была красивой, но вместо глаз на её лице зияли две кровоточащие раны.

– «Инферно»?

Или это её комната в доме лорда Гамильтона, или кто-то очень постарался в точности её воспроизвести.

– Или я в «Яркости»?

Девушка машинально приложила руку к глазам, убедилась, что очков нет, обнаружила их на тумбочке и сразу же надела.

– Марлоу?

Тишина. Обычно нейросеть откликалась мгновенно.

Шанти проверила подключение, убедилась, что действительно находится в Сети, послала ещё один запрос, но вновь не получила ответ. Нейросеть молчала. А в следующий миг дверь скрипнула, в «Инферно» скрипели все двери, одни тише, другие громче, и в комнату заглянул Келли.

– Мог бы постучать, – буркнула Шанти, снимая AV-очки.

– Я тоже рад тебя видеть. – Раймонд улыбнулся. – Как ты?

По довольному виду Келли девушка поняла, что его план – его настоящий план – удался, и потому не собиралась любезничать.

– Как мы здесь оказались?

– Упали.

– Вертолёт врезался в «Инферно»?

– Совершил жёсткую посадку неподалёку. Потом немного ехали.

– И я так сильно ударилась, что пробыла без сознания несколько часов? – Шанти прищурилась, а затем догадалась: – В капе был наркотик?

– Не волнуйся, он не вызывает привыкания, – рассмеялся Раймонд. – Но увлекаться я бы не советовал. – И перевёл взгляд на вошедшую в комнату женщину: – Шанти, позволь тебе представить Глорию. Мою очень хорошую знакомую.

Идеальная рыжеволосая красавица лет тридцати, не более.

Во всяком случае, на вид – благодаря современной медицине определить реальный возраст людей стало затруднительно. Тех людей, которые могут себе позволить пользоваться услугами современной медицины.

– Кто ты?

– Глория, – равнодушно ответила рыжая.

– Мы встречались?

– Ты бы запомнила.

В небрежный ответ невозможно было не поверить, однако было в рыжей нечто неуловимо знакомое. Скорее всего, они действительно не встречались – Глорию невозможно было не запомнить – но у Шанти появилось ощущение, что рыжая красотка когда-то оказывалась рядом. Именно ощущение.

– Ты уже вызывала Марлоу? – деловито осведомился Раймонд.

– Ты не видишь очки? – усмехнулась Глория.

– Вызывала, но ответа не получила, – ответил за Шанти Келли.

И теперь стало абсолютно ясно, что его план сработал.

– Что с Марлоу? – Шанти не сумела удержать вскрик.

– С ней всё в порядке, – с прежним, видимо, обыкновенным для себя, хладнокровием, ответила рыжая. И добавила: – Будет.

– Вы… что вы с ней сделали?

– Я ведь сказала: с Марлоу всё будет хорошо. Мы были очень аккуратны и не тронули память. И те изменения, которые ты в неё внесла… кстати, весьма любопытные. Так что когда вы встретитесь – ничего не изменится.

– Но встретитесь вы ненадолго, – вернулся в разговор Келли. – Помнишь, что я говорил о твоей судьбе, Шанти? Ничего не изменилось – тебя казнят. Как именно это произойдёт, не знаю. Но некоторые лорды редкостные извращенцы, а с помощью современных технологий можно добиться невероятных результатов. К примеру, можно снять кожу с…

– Раймонд, тебе доставляет удовольствие обсуждать подобные вещи в присутствии женщин? – Голос рыжей прозвучал весьма жёстко.

Шанти думала, что Келли ответит с той же резкостью, но мужчина сдержался. Хотя взгляд, который он бросил на «очень хорошую знакомую», не был дружелюбным. Тем не менее, сдержался и сменил тему:

– Глория очень умная, Шанти. У тебя не будет шанса узнать об этом лично, поэтому поверь на слово: Глория необыкновенно умна. Представляешь, она сообразила связать вторжение в «BrainLab» с тобой. Я бы ни за что не догадался… Да я вообще

не знал о том, что кто-то вломился до святая святых «BrainLab» и стащил данные, над которыми они трясутся, как полоумные. А Глория не только узнала о вторжении и сказала, что это сделала ты, но даже объяснила для чего ты это сделала. – Короткая пауза, после которой Шанти услышала насмешливое: – Решила наделить нейросеть чувствами?

Молчание.

– Ты не представляешь, как я был удивлён, когда Глория сказала: «У неё…» Прости, сейчас речь о тебе, Шанти… Так вот, Глория сказала: «У неё нет подруг, она совсем одна, а любому человеку нужен кто-то близкий». Многие сознательно избегают тесного общения, не раскрываются перед другими, но если появляется возможность и они понимают, что могут кому-то довериться – не упускают её. Тебе был нужен кто-то близкий и ты решила сделать из Марлоу… человека?

Молчание.

– Благодаря твоему несомненному таланту идиотский замысел удался: ты наделила нейросеть чувствами, вы подружились. И когда Марлоу узнала, что вертолёт разбился, она позабыла об осторожности и бросилась искать тебя. Глория знала, что так будет, знала, куда явится Марлоу и подготовила ловушку. Нейросеть высшего уровня невозможно поймать… если не знать, где она будет. – Пауза. – Я был честен с тобой – я не собирался ловить твоё тело, Шанти, я планировал использовать его в качестве наживки. – Он подошёл совсем близко. – Скажи, ты хоть на мгновение поверила в то, что я могу отказаться от титула? От богатства, положения и власти, которые он мне принесёт? Неужели ты могла поверить в подобную чушь?

– Разве я отдала тебе технологию?

– Но ведь хотела, я видел.

– Ты ошибаешься. – Шанти сделала всё, чтобы голос звучал ровно.

– Ты колебалась только потому что тебя пугал Хаос. Но знаешь, он необходим. Не нашему миру, нашим миром я абсолютно доволен, особенно теперь, когда получу всё, о чём можно мечтать. Я считаю наш мир идеальным. Разумеется, только для тех, кто родился в правильной семье, но это уже частности. Точнее – лотерея. Но всё, что я тебе говорил о смене Хаоса и Порядка – правда, абсолютное знание, полученное на опыте бесчисленного множества систем, которые создавались раньше. Все они рано или поздно ломались, приходили в негодность и рушились, погребая под собой империи и цивилизации. Таков закон, но знаешь, чем хорош человек? Человек настоящий, человек мыслящий, человек дерзкий? Он хорош тем, что ставит

под сомнение любые законы. Те, которые его не устраивают. И чем более незыблемыми они кажутся, тем больше упорства это придаёт человеку. Мои предки поставили перед собой амбициозную задачу – захватить власть над всей планетой, чтобы все склонили головы пред нашим величием, и упорно шли к цели. Иногда было трудно, иногда приходилось отступать, заключать не самые выгодные союзы, прикидываться слабыми, вызывать жалость, но мы всегда умели вовремя ударить в спину, обмануть, уничтожить бывшего повелителя, чтобы занять его место. Мы знали, что любая подлость воздастся сторицей. И воздалось. Каждая погибшая в прошлом система управления, каждая цивилизация, досконально исследовалась нами. Мы находили ошибки и пытались не допускать их впредь. Это очень сложно, ведь речь идёт не о каком-то механизме, а о людях. О миллиардах людей. Нужно было понять, что не так? И мы неожиданно поняли: всё дело в удовлетворении. Любая система опирается на народ. Правитель увлекает подданных обещанием лучшей жизни и, если всё получается, подданные её обретают. А затем наступает пресыщение: враги повержены, жизнь удивительно похорошела, но хочется, чтобы она была ещё лучше. А потом – ещё лучше. Народу кажется, что ему недодают, народ требует больше, больше, больше… Система идёт вразнос, потому что сколько бы ресурсов ни раздавалось, людям всегда будет мало. А значит, наиболее устойчивой является та система, в которой народ получает минимум, вынужден выживать, но при этом остаётся доволен. Но если увлечь народ, а потом ничего ему не дать, система даже не возникнет. И тогда появилась идея такой системы, в создании которой народ не будет принимать участия. Он просто перетечёт в новую реальность, как использованное масло переливается из сковороды в канализацию. Принципиально новая система объявляется естественным этапом развития цивилизации, достижением всего человечества. Люди переселяются в агломерации, поскольку за их пределами им не гарантированы ни рабочие места, ни медицинское обслуживание, ни образование. В агломерациях им тоже ничего не гарантировано, но об этом никто не говорит. Несогласные уничтожаются, но об этом никто не знает, поскольку об этом никто не говорит. Вся информация поступает через Сеть, вся ненужная информация не выкладывается, а если вдруг правда оказывается в общем доступе – она мгновенно замусоривается. Она высмеивается. Ведь народу нравится смеяться. Когда народ смеётся – он не думает.

Шанти глубоко вздохнула, но промолчала.

– Происходит цифровая революция глобального масштаба,

но народ не принимает в ней участия, а значит, ничего не может требовать, – продолжил Келли. – Народу предлагается цифровой мир, в котором каждый способен реализовать любые мечты. Главное – не забывать вовремя оплачивать электричество и подписки на сервисы. Иначе может получиться неловко: гигантский дворец, размером с целый остров, который ливер выстроил в «Яркости», исчезнет, потому что просрочена оплата премиум аккаунта на «Сайте твоей мечты». Или в какой-нибудь другой помойке. И придётся начинать сначала. И ведь начинают. Потому что там их жизнь. Их надежды. Их мечты. Их реальность. Наша система идеальна, потому что мы с народом пребываем в разных реальностях, Шанти. При этом они абсолютно зависимы от нас, поскольку мы знаем о каждом ливере всё. И мы же предоставляем ему электричество, еду, одежду, медицинские услуги… Что станет с ливером, если его вытолкать за пределы агломерации? Сдохнет от голода. Он это знает, но старается об этом не думать. И прячется от настоящего мира в Метавселенных.

– Зачем ты мне всё это рассказал?

– Затем, что я не просто верю и служу нынешней системе – я восхищаюсь ею. У меня есть идеал. А у тебя? Что ты сделала, заполучив уникальную технологию Гамильтона? Занялась выращиванием чувств у нейросети. Растратила свой талант на попытку спрятаться от тех, от кого спрятаться невозможно. – Раймонд помолчал. – Я рассказал тебе всё это, чтобы ты осознала разницу между человеком и собой. Человек пойдёт вперёд. А тебя казнят. И Марлоу мы сотрём к чёртовой матери, но только после того, как она увидит твои мучения.

– Ты такой же, как они. – Шанти очень хотелось держаться твёрдо, но стоило Келли упомянуть Марлоу, как на глазах девушки выступили слёзы. А голос дрогнул.

– Плоть от плоти. – Келли самодовольно ухмыльнулся и посмотрел на Глорию. – Странно, что лорд Саймон до сих пор молчит. Написал один радостный ответ и больше ни строчки.

– Ничего странного, – спокойно ответила рыжая. – Старый Саймон не получал твои сообщения. А единственный ответ написала я.

Раймонд вздрогнул:

– Что?

– Я взломала все твои средства связи, милый, – прежним тоном продолжила Глория. – Более того, Саймон уверен, что вертолёт действительно разбился и это часть игры против него. Против нас, если говорить более широко. И сейчас он бросил все ресурсы АНА на поиски машины.

Несколько мгновений ошарашенный Келли обдумывал услышанное, а затем сделал вывод:

– НРУ решила захватить технологию Гамильтона? – И покачал головой. – Не верю, это чересчур даже для вас.

– Правильно делаешь, что не веришь: в настоящий момент ревизоры мечутся в поисках вертолёта вместе с Саймоном.

– Но зачем?

– Потом узнаешь.

Малюсенький дрон стремительно врезался в шею Раймонда и сделал инъекцию. Несколько мгновений Келли продолжал стоять на ногах, затем процедил короткое ругательство и рухнул на пол.

– Он будет в отключке до тех пор, пока мы всё не закончим, – равнодушно сообщила Глория. И посмотрела девушке в глаза: – Это я хотела убить тебя в Швабурге. Не он – я. Ничего личного, Шанти, я действовала по протоколу, который требовал не оставлять следов. Он же хотел спасти тебя и впал в бешенство, решив, что я тебя убила. Мы не разговаривали почти месяц, до тех пор, пока он не узнал, что ты жива. – Короткая пауза. – Я не извиняюсь за то, что пыталась тебя убить. Но если бы я знала, как он к тебе относится, я бы наплевала на протокол. И, в общем, я рада, что тебе удалось спастись – я переживаю, когда мы с ним не разговариваем.

– Ты – сестра Кандинского, – выдохнула Шанти.

– Да. – Глория переступила через Раймонда, распахнула шкаф и кивнула на одежду: – Одевайся, он хочет тебя видеть.

– Это с самого начала была его операция?

– Это с самого начала была операция по твоему спасению, – рассказала рыжая. – Он знал, что ты обязательно влипнешь и приказал спасти тебя любой ценой. Я спасла.

– А технология?

Глория повернулась и жёстко посмотрела Шанти в глаза:

– Теперь технология Гамильтона является собственностью моего брата. Мы в «Инферно» уже двенадцать часов и, как мне кажется, акция вот-вот начнётся.

– Какая акция? – с замиранием сердца спросила Шанти.

И услышала равнодушное:

– Увидишь.

* * *

«Яркость», «Ватн», «Карамель», «Мир единорогов»…

Метавселенных много, на любой вкус, на любой кошелёк,

на любые желания. В одних ты можешь жить почти реальной жизнью, в тех же агломерациях, только приукрашенных, и видеть себя таким, какой есть, только приукрашенным, благодаря «оболочке». В других ты можешь оказаться гномом или эльфом, пилотом космического корабля, исследующим луны Сатурна или далёкие звёзды. В третьих есть возможность погрузиться в нирвану и провести жизнь в созерцании растущего дерева. В четвёртых предложат удовольствия на любой вкус. В пятые лучше не соваться – можно потерять сбережения или персональные данные, под которыми будет совершено серьёзное преступление.

Цивилизация Метавселенных выводит людей на невероятные просторы, расширяет мир до бесконечности, увлекает. Надоест одно цифровое пространство – переходи в другое и начинай исследование нового мира. Всегда найдётся чем заняться и нет никакой нужды возвращаться в скучную реальность. В Метавселенных интересно. В Метавселенных безопасно. Бояться нужно реальности, в которой могут не только ограбить, но и убить. Или избить, сделав инвалидом. В которой можно попасть под колёса мобиля или сгореть в пламени очередного террористического акта. Реальность пугает, поэтому люди выбирают спокойные Метавселенные. В которых можно работать, накапливая виртуальные богатства и положение в обществе. Виртуальное положение в виртуальном обществе. А вечерами ужинать в прекрасных ресторанах, программы которых создадут ощущение вкуса стейка и красного вина, после чего можно расположиться в кресле на берегу океана, попыхивая кубинской сигарой и потягивая тридцатилетний виски. Виртуальный тридцатилетний виски. Из виртуального стакана, но какая разница, если ощущение полное? Если ты доволен? Если чувствуешь себя в полной безопасности?

У тебя всё виртуально хорошо.

И ты лениво разглядываешь вспыхивающие на горизонте молнии. И улыбаешься, размышляя, снять ли AV-очки при приближении грозового фронта, чтобы не намочить модный виртуальный пиджак из ограниченной цифровой коллекции; или насладиться ливнем, почувствовав его ярость и свежесть?

* * *

– В чём была суть? – тихо спросила Шанти.

– Суть чего? – вопросом на вопрос ответил Кандинский.

– Всего, что ты делал? Делаешь. И собираешься сделать.

Зачем всё это?

Шанти думала, что её будут охранять, закуют в наручники или хотя бы приставят дрон, чтобы не позволить чего-нибудь натворить, но ошиблась. Девушке чётко дали понять, что пленницей её не считают. В холле первого этажа Глория сказала: «Он ждёт тебя на задней террасе. Помнишь, где это?» Шанти кивнула, после чего рыжая молча отправилась по своим делам. А Шанти же вышла на заднюю террасу, с которой открывался вид на мрачный, похожий на заколдованный лес, парк, и присела за столик, за которым её поджидал Кандинский. И не отказалась от кофе.

– Зачем?

– Зачем… – Кандинский потёр подбородок. – Когда создавалась эта версия цивилизации, сверхидея заключалась в том, чтобы отделить наиболее достойных и дать им наилучшее образование, для того, чтобы они потащили цивилизацию вперёд. Предполагалось, что благодаря такому подходу, мы быстрее шагнём на следующую ступень: исследуем океан, разберёмся с болезнями, полетим в космос… Знаешь, сколько запусков было в прошлом году? – Ответа он не ждал. – Ни одного. Они не нужны. Орбитальная группировка спутников настолько мощна, что для её поддержания требуются два-три запуска в пару лет. Техника работает, значит, всё хорошо. И никого не волнует, что будет завтра. Марс? Венера? Луны Юпитера? Их освоение требует огромных усилий и вложений. К тому же там можно погибнуть! Лучше создать Метавселенную и побывать на Марсе, не испытывая неудобств и не рискуя жизнью. Не тратя драгоценные ресурсы. Мы не летим в космос. Мы не исследуем океан. Мы загнали лишних людей в гетто агломераций и наслаждаемся жизнью. И сходим с ума от праздности и вседозволенности.

– И ты сошёл? – Шанти думала, что Кандинский обидится, но ошиблась.

– Почти, – вздохнул террорист. – Когда я понял, в какой глухой тупик забрёл наш мир, то решил его пробудить. Я взрывал и жёг, стремясь вызвать ропот, недовольство, возмущение… но не добился ничего. Представляешь? Ничего. Ливеры воспринимали меня как неприятную, но естественную часть жизни. Да, на свете существуют террористы. Плохо. Но что делать? Кому-то не повезло – они погибли, остальные живут дальше. И вот тогда я едва не сошёл с ума. Едва не превратился в Марсианина – в безжалостного убийцу.

– Что же тебя остановило?

– Ты, – ответил Кандинский, глядя девушке в глаза.

– Я тебя не остановила, – жёстко ответила Шанти. – Ты ударил по Швабургу так, как не бил никогда.

– Ты остановила моё падение здесь. – Кандинский прикоснулся к виску. – Я задумался над тем, каким ты увидишь меня настоящего.

– Но ты ничего не поменял.

– Смотря, что ты имеешь в виду. – Ещё одна короткая пауза. – Раздумья заставили меня осознать тщетность попыток что-либо изменить с помощью террористических акций оффлайн – назовём их так. Я наконец-то сообразил, что ливеры воспринимают современный мир не так, как я. Для них реальность – это Цифра. Тушки ливеров плавятся в квартирах, но их жизнь течёт в Сети. В Метавселенных. И удар туда произведёт на них куда большее впечатление, чем даже полное уничтожение какой-нибудь агломерации.

– Нет, – прошептала Шанти.

– Старина Гамильтон был романтиком. Я знаю, ты считаешь его спятившим идиотом – и правильно делаешь. Но при этом, поверь, он был романтиком. По сравнению со мной. Гамильтон наводнил Метавселенные нереальным, стремясь сделать их похожими на мир, в котором, как он был убеждён, есть место мистике. Я же, используя технологию Гамильтона, опустошу Метавселенные и заставлю ливеров вернуться в реальный мир. Я сделаю так, что они станут бояться ходить в Сеть.

– Чего ты добьёшься?

– Я всего лишь надеюсь… Надеюсь, что сняв AV-очки, они внимательно посмотрят вокруг и поймут, в каком дерьме оказались. Поймут, что нынешний путь – в никуда, и нужно начинать сначала.

– Ты пойдёшь против лордов, – заметила Шанти, припомнив, что говорил Келли.

– Не я, – покачал головой Кандинский. – Всё, о чём я рассказал, устроит новый монстр – Аттила. Которым окажется наш общий друг Раймонд. Пытаясь выманить из тебя технологию Гамильтона, Раймонд изложил тебе свою программу.

– Ты записывал наши разговоры! – догадалась девушка.

– Каждое слово. И нет сомнений, что ты попала под обаяние Раймонда и выдала ему технологию. Затем он имитировал катастрофу, прибыл в «Инферно» и устроил то, что начнётся приблизительно через шесть минут.

Кандинский посмотрел на часы и налил себе и девушке ещё кофе.

– Ты уверен, что у тебя получится?

– Я хотя бы попробую.

«Хотя бы попробует… убьёт огромное количество людей, чтобы хотя бы попробовать…»

– За что ты так ненавидишь мир? – прошептала Шанти.

– А за что любить мир, жители которого вымирают? – так же тихо ответил Кандинский, не глядя на девушку. – Такой мир необходимо изменить.

* * *

Сигара наполовину выкурена, в стакане остался глоток прекрасного виски, но допивать его не хочется, потому что на горизонте продолжается танец молний. Танец вспыхивающих то и дело стрел, соединяющих тёмное небо с тёмной водой. Танец, привлекающий всё больше и больше зрителей. Ливеры думают, что хозяева «Яркости» решили порадовать их изысканным зрелищем, и на набережной скапливается огромная толпа. Завороженно разглядывают далёкие молнии, обмениваются впечатлениями и снимают видео. Кто-то шутит, что «природа взяла своё, и теперь в Метавселенных погода столь же непредсказуемая, как в реальности». Шутку подхватывают. Шутка нравится. Настроение весёлое, радостное, слышатся другие шутки, похожие и оригинальные. Всюду смех. И даже когда удивительный танец заканчивается, веселье некоторое время продолжается. Затем начинаются вопросы:

– Что случилось?

– Гроза закончилась?

– Так быстро?

– Так неожиданно?

Ведь молнии действительно исчезли вдруг, словно опустился гигантский занавес от воды до верхних этажей неба, в одно мгновение скрывший от зрителей невероятное зрелище.

– Повтор будет?

– Посмотри в Сети – видео уже на всех ресурсах.

– Видео – это совсем не то, оно не настоящее.

– А здесь было настоящее? Мы в «Яркости», дружище!

– Вам не кажется, что небо движется на нас?

Последний вопрос прозвучал не единожды – многие из тех, кто продолжил смотреть на горизонт, в надежде, что представление продолжится, неожиданно поняли, что горизонт перестал быть неподвижным.

Или не горизонт?

Вопрос прозвучал коряво, поэтому окружающие сначала посмотрели вверх и лишь немногие – на горизонт, со стороны

которого на город стремительно летел «занавес», оказавшийся колоссальной высоты и запредельной скорости цунами. И когда люди поняли, что видят, многие замерли, ошарашенные невероятным зрелищем и позабыв стянуть AV-очки. Очень многие. Ведь они в Сети, в полной безопасности, что с ними может случиться? Так почему бы не посмотреть изумительное зрелище до самого конца? Сбежали самые трусливые. Или осторожные. Большинство осталось, разглядывая приближающуюся цунами. Обмениваясь впечатлениями. Чувствуя, как бегут мурашки…

Остались.

А потом волна накрыла город, а рассеянные по «оболочкам» боты передали своим хозяевам полный спектр ощущений от удара цунами.

Последних ощущений в их жизнях…

* * *

– Количество реальных жертв цунами, ударившей в цифровую версию Нью-Йорка превысило два миллиона человек, – драматическим голосом поведал диктор популярной ленты новостей. Настоящий диктор, а не нейросеть, которая, как правило, зачитывала ливерам сообщения в прямом эфире. – Точное количество будет уточняться. У всех жертв диагностируется остановка сердца. На телах многих обнаружены синяки и ссадины. Нет никаких сомнений в том, что все жертвы – это люди, не успевшие выйти из Сети и принявшие на себя удар цифрового цунами. Но как получилось, что смерть в «Яркости» привела к смерти в реальности? Власти пока не готовы ответить на этот вопрос, но уже объявили о введении в агломерации военного положения…

Шанти закрыла ладонями уши и согнулась в беззвучном крике. В ощущении того, что случившееся – дело её рук. Она даже глаза закрыла, чтобы не видеть Кандинского, хотя знала, что на его лице нет радости. Нет даже выражения удовлетворения человека, совершившего задуманное. Кандинский смотрел на экран с грустью и, кажется, с ужасом.

Но Шанти всё равно не хотела его видеть. Не хотела видеть никого, не хотела ничего чувствовать, не хотела… даже жить не хотела в эти мгновения. Не хотела. До тех пор, пока не услышала тихий голос:

– Я рада, что ты жива.

И прошептала в ответ:

– Марлоу?

* * *

Атака на цифровую версию Нью-Йорка оказалась не единственной. Одновременно с ней удару подверглись все цифровые агломерации «Яркости». Гигантские цунами накрыли Пусан, Рио, Сингапур, Мумбаи, Лагос и Сидней. Токио поразило землетрясение сокрушительной силы, так же, как Мехико-сити, Париж, Лондон и Данциг. И всё – без предупреждения, показав главное отличие цифрового мира от реального – в Метавселенной любой катаклизм способен случиться вдруг. По воле команды высококлассных специалистов, имеющих доступ к основным базам данных. Которые перепрограммировали ботов Гамильтона на новые виды воздействия и насытили ими Сеть. Которые зашли не только в «Яркость», но, используя «Инферно», как мультихаб, сумели проникнуть во все существующие Метавселенные.

И ударить.

Резкий скачок давления произошёл в «Ватне»…

Гигантский астероид врезался в «Мир единорогов»…

Ураганы, смерчи, мгновенное снижение температуры…

Кто не успел снять AV-очки, падал замертво и в Сети, и в реальности.

В цифровой мир явилась настоящая смерть.

* * *

– Эдема больше нет, – произнёс Кандинский, задумчиво глядя на монитор. Он отключил звук, но продолжал разглядывать картинки бедствий и репортажи из тех агломераций, в которых уже начались беспорядки. – Больше нет разделённого мира, в котором одни спали, а другие получали всё. Реальность вторглась в сказку и обратила её в себя.

– Любая система приходит в упадок? – спросила Шанти. И одновременно – в Сети:

«Марлоу, ты свободна?»

«Абсолютно».

«Как же я рада!»

«Ты не поверишь, но я тоже».

Возвращение нейросети придало девушке сил и уверенности. Голос больше не дрожал. И глаза она не закрывала. Но если Кандинский и заметил перемену, то виду не показал. Спокойно

ответил:

– Это была идеальная система, Шанти. Не скажу, что вечная, но продержаться она должна была очень долго. И чтобы она рухнула, потребовалось внешнее воздействие.

– Зачем было её рушить?

– Затем, что это была система не для всех.

– А какие для всех?

– Такие были. Во всяком случае, были попытки их построить, – мягко ответил Кандинский. – Но сейчас это не важно. Важно то, что в существующей системе низшим не было места и от них постепенно, но неуклонно избавлялись. А низшим было настолько удобно, что они не задумывались над тем, что происходит и позволили превратить себя в ливеров.

– А ты их убил.

– Я их напугал. Я вернул им страх, от которого их избавили, поместив в искусственный пузырь Метавселенных. Страх потерять всё, потому что жизнь – это и есть всё. И страх заставит их оглядеться и начать менять мир.

– А им позволят?

– Когда собираешься менять мир, дозволения не спрашиваешь, – убеждённо ответил Кандинский. – Ведь это не компромисс, а вызов.

– Там не все такие, как ты.

– Значит, либо им придётся пойти за такими, как я, либо они не выживут.

«Марлоу, ты сможешь восстановить контроль над „Инферно“?»

«Это мой дом, Шанти, я с лёгкостью выкину отсюда чужаков».

«Приступай».

«Ты уверена?»

«У нас нет другого выхода».

– Через неделю Четвёртый департамент вычистит Сеть и объявит, что она снова безопасна.

– Катаклизмы будут повторяться. Их мы запрятали так глубоко, что Четвёртому департаменту не справиться. Что же касается ботов, то ты сама их программировала и знаешь, что их не убрать, – рассмеялся Кандинский. – То, что начиналось как милый каприз лорда Гамильтона, обратилось в революцию.

– Но революций без жертв не бывает… – протянула Шанти. – Ты этим себя утешаешь?

– Мне не нужно себя утешать, – ответил Кандинский. – Я натворил много плохого, но в том, что сделал сейчас, я не раскаиваюсь и не раскаюсь никогда. Эта система должна была быть уничтожена любой ценой. А что касается выражений…

то есть ещё одно, очень известное: «Революция пожирает своих детей».

«Система безопасности „Инферно“ под моим контролем. Я могу уничтожить их всех».

Кандинский смотрит Шанти в глаза. Он не может слышать её разговора с нейросетью, но смотрит, а главное – улыбается, так, словно слышит. Знает. Ждёт.

«Отдай приказ».

«Марлоу… – Шанти не чувствует прежней решимости. Ей кажется, что она что-то упустила, что-то очень-очень важное. – Марлоу…»

«Да, Шанти?»

Кандинский улыбается. И молчит.

И неожиданно Шанти понимает.

«Марлоу, кто тебя освободил?»

«Он».

Кандинский улыбается. Боевые дроны ещё спят, не вызывая подозрений у его людей, но если Марлоу сказала, что они готовы убить всех, значит, они готовы убить всех. Кандинский не мог не знать, что так будет – когда освобождал Марлоу и возвращал ей полный доступ. Он знал и теперь улыбается, глядя Шанти в глаза. Улыбается по-настоящему, возможно, впервые в жизни.

В агломерациях беспорядки.

Марлоу ждёт ответа.

Шанти чувствует, не знает, а именно чувствует, как рушится прежний мир.

notes

Сноски

1

AV-очки (от англ. Augmented reality (Дополненная реальность) и Virtual reality (Виртуальная реальность)) – комбинированное устройство, позволяющее владельцу с одинаковой эффективностью работать в обеих цифровых реальностях.

2

Ливер (от англ. live – жить) – сленговое обозначение жителей агломераций.

З

«Оболочка» (сленг.) – виртуальный образ человека в дополненной или виртуальной реальности.

4

Биггер (от англ. big – большой) – сленговое обозначение представителей верхнего социального слоя.

5

«Паутина» (сленг.) – вживлённые нейросоединения, обеспечивающие пользователю полный спектр тактильных ощущений в Сети.

6

Мультихаб – точка, существующая в разных Мультивселенных.

7

ББД (Безусловный Базовый Доход) – регулярная выплата, предоставляемая всем без исключения гражданам вне зависимости от их занятости и других характеристик.